

АНДРЕЙ ЛАТЫГОЛЕЦ

«ГОДЗИЛЛА»

ИЛИ 368 ПОТЕРЯННЫХ ДНЕЙ

Андрей Латыголец
**«Годзилла». Или 368
потерянных дней**

«Издательские решения»

Латыголец А.

«Годзилла». Или 368 потерянных дней / А. Латыголец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851586-6

Перед вами грустная, а порой, даже ужасающая история воспоминаний автора о реалиях белорусской армии, в которой ему «посчастливилось» побывать. Сюжет представлен в виде коротких, отрывистых заметок, охватывающих год службы в рядах вооружённых сил Республики Беларусь. Драма о переживаниях, раздумьях и злоключениях человека, оказавшегося в агрессивно-экстремальной среде.

ISBN 978-5-44-851586-6

© Латыголец А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая «Слон»	9
Военкомат	10
День первый	13
Карантин	15
Вторая рота охраны	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

«Годзилла» Или 368 потерянных дней

Андрей Латыголец

© Андрей Латыголец, 2017

ISBN 978-5-4485-1586-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ГОДЗИЛЛА, ИЛИ 368 ПОТЕРЯННЫХ ДНЕЙ»

Я слышу, как по бетонному полу стучат капли, стекая тонкой струйкой вниз по нерабочей отопительной трубе, образуя в углу моей койки ржавую лужицу. Сыро. Воздух пропах потными бушлатами. Как бы я не пытался заснуть, у меня ничего не выходит. Глаза закрыты, а в голове сплошной шум. Продрог до самых костей. Неплохая расплата за мои грешки, учитывая, что самое весёлое начнётся утром.

Спина болит, словно меня обработали дубиной, а повернуться на бок запрещено. Вчера осуждённому сержанту Стропацкому влетело. При команде лечь на спину, он отослал караульных куда подальше. Через минуту в соседнюю камеру-одиночку залетело трое молодчиков и, загнав пинками под нары нарушителя, нанесли ему по корпусу несколько ударов резиновыми дубинками.

– «Слоны» е-б-ба-ны-е, – стонал Стропацкий, нарушая мой покой ещё более.

А утром в шесть часов нас разбудят, выведут умываться, причём на всё про всё отводится минута, за которую нужно успеть привести себя в порядок: почистить зубы, побриться, поэтому я всегда успеваю лишь сходить на «долбан» и насухо обрить свои усы, трижды порезавшись о тупую бритву. Потом пайка, тот же временной интервал в минуту, чтобы проглотить всю пищу. Кормят на губе многим лучше, чем в части, видимо, издеваются. Я запикиваю в рот мягкую булочку, туда же отправляю варёное яйцо и быстро запиваю всё горячим чаем, обжигая себе нёба. Сразу с утра начинаются изнурительные работы, где не покурить, не передохнуть. Копаешь ямы, а над тобой стоят конвоиры и покрикивают, как на скот. Но нам повезёт, отправят на продовольственный склад, я даже успею немного подремать. В последний день моей отсидки нам попадётся хорошая смена, и пацаны будут к нам снисходительны. Служат они, как и мы, только караулят провинившихся солдат.

Почему я пошёл в армию? Ну, так, если по-честному. Видимо, мне следовало забыть одного человека, которого я безуспешно пытался уничтожить в своём сознании уже долгие годы. Я вот сейчас не особо горю желанием описывать весь этот мерзопакостный отрезок моей жизни, в котором я постоянно наступал на одни и те же грабли. Давайте просто сразу на этом и остановимся. Что ж тут поделаешь, если я немного сентиментален. Пошёл я в армию ещё и потому, что не имел умения, а главное желания и стремления косить, у моих родителей не было так называемых связей, чтобы меня оградили соответствующей справкой, где бы я числился не годным или ещё каким-нибудь штампом, гласящем о моей неспособности нести службу в рядах вооружённых сил. С другой стороны, армия виделась мне неким институтом проверки на прочность своих физических и моральных сил. Мне очень хотелось приобрести крепкие очертания тела с рельефной окантовкой, что вполне вероятно могло произойти,

учитывая армейский режим, питание и физические нагрузки, ибо по сущности своей я являюсь закоренелым лентяем и поэтому, скажем, в упражнении на пресс, всегда отношусь к себе с поблажкой.

Окончив летом 2011 года университет, и почти через неделю получив повестку, я воспринял это факт как должное и с надлежащей мне кротостью, отправился проходить комиссию. Больше всего меня раздражали переполненные коридоры поликлиники, всевозможные направления по врачам и окружающая меня призывная среда. Я решил сразу и безоговорочно проходить всех врачей и везде с ходу показывать свою удалецкую силу и не дюжее здоровье. Не удивительно, что одним из первых я оказался в кабинете, где принимался окончательный вердикт. Даже психиатр со мной долго не церемонился. Женщина из приёмной комиссии сочувственно посмотрела в мою сторону:

– Годен по всем пунктам. Вот бедный мальчик. Это ж спецназ светит, – промолвила она, и поставила жирный штамп.

Друзья, конечно, отговаривали меня от ополчения, даже предлагали незамысловатые способы «откосить», не буду подробно останавливаться на каждом из них, ввиду того, что некоторые примеры были настолько идиотскими, что мне ещё более отчётливой виделась перспектива носить погоны.

Служить я должен был отправиться в середине июля. В военкомате поговаривали, что первыми будут забирать в элитные войска, куда я лично и намеревался попасть, ну знаете, если служить, так по-настоящему. Что я дефективный какой-то?

Элитные войска означили три направления: ВДВ, спецназ и погранвойска. Попасть я намеревался в пограничники, не то чтобы я боялся прыгать с парашюта или ломать башкой кирпичи, просто мне хотелось оказаться подальше от дома, отправиться на дальнюю заставу, где повсюду лес и глушь, и нет этих удручающих звёзд над крышами городских домов.

Однако попасть в армию летом мне не представилось возможным. Призыв был отсрочен на осень. Летом забрали ребят во внутренние войска.

К августу я знал, что у меня первая группа годности и на моём личном деле значилась красная буква «А», обведённая в круг. Не уж-то они выявили мою анархичность? Позднее я узнал, что такое обозначение подчёркивало мою элитарность и привилегированность среди других призывников, и что моё дело будут рассматривать одним из первых, тем более мне всегда хотелось быть в авангарде того, что непосредственно касалось моей личности.

До октября у меня была отсрочка, и именно в октябре я должен был узнать свою участь и наименование воинской части. А посему у меня оставалось целых два месяца беззаботного дуракаваляния. Я даже устроился на работу, продавая на книжной ярмарке пиратские диски. Перепехнулся с парочкой девах и записал демо-запись со своей тогдашней группой, которая развалилась почти сразу, как только я переступил порог КПП. Да, ещё я пересмотрел кучу военных фильмов и сериалов, дабы проникнуться боевым духом и отвагой киношных бойцов. Меня весьма впечатлили «Братья по оружию» и «На Тихом океане» – типичная американская лабуда в духе героического экшена, чего мне, в принципе, и хотелось получить, увидеть и ощутить от армии.

Первое моё заблуждение, касаемо вооружённых сил нашей страны развеялось уже на первых этапах службы. Уж лучше бы я посмотрел такие советские фильмы, как: «Делай раз!», «100 дней до приказа», «Караул», «Кислородный голод», чтобы иметь хоть малейшее представление об армии. Откуда мне было знать, что там всё совсем по-другому, и о том, что как не уверяли нас из телевизора, «дедовщина» в белорусской армии всё же присутствует. Знакомых и друзей, отбывающих воинскую повинность, я так же не имел, поэтому значительный пробел в этой сфере жизнедеятельности привносил во все мои ожидания толику законспирированной таинственности.

В военкомат я вернулся в октябре. У меня было право выбора, я мог пойти в ВДВ или спецназ. «Купцы» – так называли представителей той или иной части, приходили к нам каждый раз, когда нас вызывали в военкомат. Помню этого красивого капитана с голубым беретом, который он засунул себе под погон. На коридоре капитан причитал, что ВДВ не для всех, пугал, что у нас от ежедневных нагрузок может рассыпаться позвоночник, в общем, уверенно психологически отсеивал колеблющихся и нерешительных персон. Я спокойно сидел в углу длинного коридора, подальше от краснощёкой массы призывников, улыбался и ждал своих «купцов» в зелёных беретах. Помню, когда пришли спецназовца. Три здоровых быка. Безмолвными истуканами они зашли в кабинет, и через полчаса от туда вышла женщина, которая вела наши дела и с листика зачитала около двадцати фамилий, среди них была и моя. Мы прошли в помещение и нас по одному стали подзывать к этим Джонам Уэйнам. Мне попался майор, очень смахивающий на не безызвестного Павличенко. Он пролистал моё дело, повздыхал, поднял на меня свои коровьи глаза и сказал, мол, видит парень я не глупый, стихи пишу, высшее образование за плечами, зачем мне голову отбивать? Я многозначительно закивал.

На следующий день должны были прийти пограничники, и по иронии судьбы вечером я сильно перебрал с друзьями. Дома около десяти утра меня разбудил телефонный звонок. На обратном конце линии очень интересовались моим появлением, а в военкомате я должен был быть уже в девять утра. Я быстро залез под душ и не завтракая, через час прибыл по назначению. Однако, по словам главного военврача, «купцы» уехали, не дождавшись непунктуального юношу. Главврач сказал не уходить и ожидать в коридоре с остальными. В тот день пришли «купцы» из роты почётного караула, расхваливали возможность халявной поездки в Венесуэлу, а я сидел в печали, что проспал свою погранзаставу. У меня появилась апатия и полное безразличие к действительности, мне давно надоела эта призывная волокита, и я сам для себя решил больше не заниматься элитарными изысками. Будь, что будет. Да и на самом деле, я же не выбираю между блондинкой и брюнеткой или, скажем, между Gibson и Fender. Это всего лишь гребенная белорусская армия, где совсем неважно какого цвета у тебя берет или шевроны на твоих плечах. Так я и попал на базу охраны и обслуживания Центральные органы управления. Несколькими словами, в штаб Министерства обороны и на случай войны, отступал бы с Верховной ставкой в тыл, не принимая серьёзных боёв на протяжении всей военной компании, а лишь охраняя высшие чины и министров всех вместе взятых. Говаривали, что это так же элитное подразделение.

Меня вызвали к «купцам» из министерства почти сразу. Посадили напротив капитана Гуриновича, тогда ещё командира третьей роты охраны, старшего лейтенанта Рыбца, больше смахивающего на шифрующегося гомика, уж больно подозрительными были его выщипанные брови, и щекастой старшины Сладковой из санчасти. Сказали, что я им подхожу, служить буду в Минске, поинтересовались, смогу ли выстоять на посту два часа; видимо, тогда мне было плевать окончательно, хоть сутки, записывайте и оставьте меня, наконец, в покое.

В тот же день мне вручили последнюю повестку. В ней провозглашалось, что 15 ноября 2011 года я должен явиться в свой военкомат по месту жительства к семи утра для дальнейшего следования в закреплённое за мной подразделение. Что ж, у меня оставался месяц с хвостиком. Впервые я почувствовал небольшое волнение, охватившее мой разум и то тревожное ощущение, когда сосёт под ложечкой. Однако оно пропало, как только я вышел на улицу и вздохнул свежим воздухом.

За день до отправки в войска меня лично обрил наголо лучший друг, пообещав проделать этот обряд со мной ещё на проводах. Проводы прошли, наверное, как и у всех: пьянка до утра, веселье, друзья и подруги, а на утро грусть и второе, настоящее волнение, что вот оно, скоро свершится и я окажусь наедине со своими мыслями, страхами, слабостями в совершенно незнакомом мне месте с кучкой таких же взволнованных пацанов, которые даже не имеют ни малейшее представление, с чем нам всем придётся столкнуться.

Я сидел у товарища, лысый, красный от переживаний – пил водку, смотрел на себя в зеркало, как на прокажённого (уж больно мне не идёт лысина) и осознавал, что назад пути нет.

Глава первая «Слон»

Военкомат

15 ноября 2011 года было пасмурно и сыро. Я проснулся около пяти утра и ещё с полчаса пролежал в дрёме, предвкушая будущие будни, пока не прозвенел будильник. Голова боролась с пост-алкогольным стрессом, последним за предстоящие полгода. Завтрак совсем не лез, но мама уверяла, что ещё долго мне не приведётся отведать домашних харчей. На пороге она даже прослезилась и бросилась мне на шею, стелая «бедный сынок», такое впечатление, будто меня на войну отправляли. Но я всё же постарался её успокоить и в спешке покинул своё обиталище.

Возле «Макдональдса», у станции метро Пушкинская, я встретил Дашу, она, как не странно, вызвалась проводить меня, что было весьма мило с её стороны. Мы попили фруктового чаю, покурили и отправились к военкомату. Возле этого злосчастного строения уже толпились новобранцы с семьями и друзьями; сонные, подвыпившие, но весёлые. Даша спросила, почему меня не провожают близкие с гармошкой и кучей друзей, в ответ я лишь обнял её за плечи. Дождь усиливался, и мы встали под барачным навесом, расположенным около военкомата. Небо было серым, мысли запутанными.

К семи на крыльцо военкомата вышел подполковник, сейчас не припомню его фамилии. Нас всех завели во внутренний дворик и впервые поставили в двух шереножный строй.

– Становись! – скомандовал полкан. – Разговоры в строю прекратить! Привыкайте, теперь вы одной ногой в армии, ёпта!

Нас перечислили по фамилиям. Одного парнишку полкан вывел из строя и сделал замечание. Тот изрядно шатался и усатый вояка пригрозил ему, что доложит о его состоянии представителям части, к которой он был приписан.

Далее нас человек шестьдесят завели в крохотную комнатку и выдали всем личные дела.

– Да и кто это здесь у нас ...? – озадаченно спросил подполковник мою фамилию.

– Я, – привстав, ответил я.

– Дело такое, вижу ты здесь один с высшим образованием, будешь в Минском райвоенкомате речь толкать, там телевизионщики понаедут, надо пару слов сказать, ну ты ж грамотный, вот и покумекай чего путёвого, да, и не забудь пару слов про наш военкомат замолвить, мол так-то и так-то, как дом родной. Ну, ты понял.

Я вышел к Даше. На прощание поцеловал её в губы и, как мне показалось, глаза её наполнились влагой.

Меня и ещё около пятнадцати молодчиков погрузили в маршрутку. Мотор торжественно заурчал и по мере удаления её в сторону районного военкомата, силуэт Даши становился размытым и постепенно меркнул в стене дождя, перерастающего в ливень. Она послала мне воздушный поцелуй и махала рукой, пока полностью не растворилась за окном, в котором я с едким безразличием провожал свою гражданскую суету.

Первую половину пути в маршрутке царило обеспокоенное молчание. Чуть позже ребята с первых сидений начали знакомиться и шутить друг с другом, что, дескать, попали в кабалу государства, а платы за это ноль. Я не спешил заводить первые знакомства с товарищами по несчастью, ибо был уверен, что пути наши вскоре разойдутся.

Районный военкомат был ограждён забором, окрашенным в розово-салатовый цвет, придавая этому пятиэтажному строению непринуждённо миролюбивый вид. Никакого милитаризма там и в помине не было. Нас высадили у входа в здание всеобщего ожидания, завели внутрь, где уже собралось приличное количество лысых юнцов, и усадили на скамейки. Всё напоминало зал ожидания на вокзале. В помещении, в самом его начале, повесили большой проектор, по которому крутили патриотические военные фильмы производства «Беларусь-

фильм». Пацаны почти разом набросились на ссобойки, оставленные им родителями. Мама тоже положила мне в сумку несколько бутербродов и пачку сока. Я сделал несколько глотков живительной влаги и взглядом окинул всю обстановку. Призывники уже успели раззнакомиться и сформировать шумные компании, оживлённо обсуждая, как они отметили проводы. Около меня сидел полусонный и полупьяный гопник, пытаюсь набрать в телефоне номер и, едва уловимо, мычал себе что-то под нос. Я решил остаться в гордом одиночестве.

Через час к нам зашли три военных и сказали следовать за ними в корпус военкомата. Опять начались изнурительные хождения по врачам. Благо в коридорах районного военкомата всё было учтено и нам не пришлось бегать по этажам из кабинета в кабинет, а раздевшись до трусов и, выстроившись в одну длинную шеренгу, мы заходили по очереди из двери в дверь. Врачи, вальяжно рассевшись за широкими столами, торопливо осматривали будущих защитников и ставили окончательный красный штамп в наши личные дела.

За последним столом сидела небольшая комиссия из двух врачей и розовощёкого полковника, они перелистали моё дело и довольный полкан бойко спросил:

– Ну что, сынок, готов служить?

– Знаете, – ответил ему я, – есть такая древняя китайская поговорка, что из хорошего железа гвоздей не делают, а посему – хороший человек не должен служить в армии, в моём же случае, я лишь пытаюсь на время глобального экономического кризиса отсидеться в рядах вооружённых сил и переждать там всю эту неврастеническую суматоху.

Полковник в раз побагровел и как рыба задёргал сальными губами. Врачи оказались в замешательстве.

– Свободен! – пренебрежительно швырнув мне в руки личное дело, только и смог сказать раздосадованный орденосец.

Одевшись, я вышел на улицу, где уже столпилась масса телевизионщиков. Микрофоны БТ, ОНТ и СТВ манили смелых ораторов высказаться по данному поводу. Я попытался незаметно проскользнуть мимо рядов навязчивых папарацци. Однако путь мне преградила камера и курносый парень с микрофоном ОНТ, едва не тыча его мне в рот, попросил сказать пару слов для вечернего выпуска новостей.

– Ну што ж, – скорчил я тупую гримасу, – лична я считаю, што каждый нармальный парень в нашэй стране должэн атслужить у армии, патаму што войска делае с рэбят мужчынаў и ваабшчэ закаляе у их баявы дух и прочую снaroўку.

Вряд-ли эти кадры попали в эфир, но, признаться, мне хватило смущённого выражения оэнтэшиника и возглас оператора: «Стоп, снято!»

Не успел я перекурить, как военные усачи (странно, почему практически все полковники усатые?) скомандовали строиться для торжественно марша. Нас снова поставили в строй на внутреннем плацу военкомата. На трибуну взошла разношёрстная военщина и врачи, телевизионщики включили камеры. На трибуну поднялся батюшка, прибыл ветеран ВОВ, весь в орденах и парочка активистов из БРСМ. Звучали прогрессивные речи о необходимости служить, о боеспособности белорусской армии в любую минуту противостоять империалистам из США. Впрочем, несли совершенно невменяемые и никому не интересные вещи. Ветеран преподнёс очередную байку, святой отец окропил наши головы святой водой и я подумал, что не мешало бы им заканчивать с церемонией. Мои ноги, несмотря на середину ноября, продрогли до основания, покалывая острой болью в кончиках пальцев, а руки хотелось согреть под горячей струёй водой.

– Становись! Равняйся! Смирно! – скомандовал грозный полкан. – На пра-во!

Известное дело, некоторые ребяташки растерялись и повернулись налево, кто-то вообще не расслышал команды и остался стоять на месте, но как только зазвучала марш «Прощание славянки», затупы опамятавались, подхватили ногу и с кличем: «Шагом – марш!», дружно зашагали по плацу.

После марша мы снова зашли в «зал ожидания», и около часа сидели в смиренном ожидании дальнейшего распределения по частям. Ближе к полудню начали приезжать «купцы». Они зачитывали с листиков фамилии и погружали своё пушечное мясо в автобусы. Наши «купцы» приехали к трём дня. Как не странно, за нами прибыл старлей Рыбцов, тот, что смахивал на шифрующего гомика, мягким голосом зачитал наши фамилии, совсем немного, около семи человек. Впервые я увидел лица пацанов, с которыми мне представилась возможность месить сапогами землю. Среди них был Саня Шынковский и Илья Дорицкий. Все были робкими малыми, и в глазах каждого читалось полное недоумение и растерянность.

Нас посадили в славный «Маз» синего цвета и повезли на базу.

День первый

Автобус ещё долго петлял по городу, пока я не увидел это бетонное ограждение и барачные помещения за ним. Осознание, что в этой угрюмой местности, да ещё в родном городе пройдёт целый год моей жизни, совершенно не радовало. КПП встретил нас затаённым молчанием и наглый солдатик, открывая автобусу ворота с красной советской звездой по центру, сжимал и разжимал в направлении нас свой кулак.

Небо над частью повисло серой гнетущей массой и напоминало хлорный раствор. Моросил мелкий дождь. Хотелось заснуть и проснуться в своей комнате.

Рыбцов выскочил из автобуса около штаба и мы остались одни с водителем. Во мне родилось смятение. Часть оказалась небольшой, около двадцати метров от штаба находились казармы – два четырёхэтажных здания. По пути к ним я увидел вдоль бордюров горстку солдат, копающих лопатами ямки для посадки кустов и все они, завидя автобус, как сговорившись, стали демонстрировать нам жест кисти руки, который я увидел возле КПП. Они смеялись, как будто в автобусе везли цирк Шапито и их бледные, замученные лица зияли радостью. В ответ я показал кучке этих гопников свой средний палец.

У казарм нас встретил комбат роты охраны майор Рысюк, усатый щёголь в облегчённых берцах и старшина первой роты охраны прапорщик Девьянец, похожий на зэка. Нас вывели из автобуса и построили в шеренгу около входа в казарму. Перечислили наши фамилии, спросили у кого есть права водительской категории «В». Счастливчиками оказались трое и их сразу же повели во второй корпус, в котором размещался батальон ППУ (пункт перевоза устройств), на армейском сленге это звучало, как: «Пришёл, поработал – ушёл». Нас же, оставшихся, погнали в первый корпус, где размещались батальон охраны, автомобильный батальон и ремонтная рота.

На первом этаже располагалась первая рота охраны. Я ожидал увидеть военных, снующих по коридору, но вместо этого нас встретил дежурный по роте сержант Чухревич с лицом монголоида и дневальный, громко скомандовавший «Смирно!», когда порог едва успел перешагнуть комбат. Дежурный по роте отчитался Рысюку, что служба проходит без происшествий. Майор отдал команду «Вольно» и весь этот маскарад с серьёзными выражениями лиц вызвал у меня пренебрежительную ухмылку.

Комбат моментально удалился в свой кабинет, а нас всех выстроили вдоль взлётки, выложенной синим кафелем. Я увидел эти деревянные кровати молочно-кофейного цвета с заправленными тёмно-синими покрывалами. Расположение роты напоминало советский лагерь для детей. Всё стояло ровненько, строго по линиям и тумбочки, размещавшиеся около каждой кровати, предавали казарме толику домашнего уюта.

– Ну, чё, прибыли, мажоры минские?! – засунув руки в карманы, язвительно сказал нам старшина Девьянец.

– Почему сразу мажоры? – возмутился Дорицкий, стоявший рядом со мной.

– Ты охуел, бля?! – зловеще негодуя, рыкнул на него старшина. – Вопросы тут я задавать буду, очевидно!

Дорицкий враз побагровел, не ожидая такого гостеприимного обращения к своей персоне. Не сказать, что первое проявление прессинга испугало меня или же я испытал трепещущее чувство обиды за своего товарища. Всё, что будет происходить в этих стенах до и после, всегда вызывало во мне, скорее, улыбку, нежели какие-либо другие рефлексии.

– А ты чё лыбишься?! – Обратил на меня свой грозный лик прапорщик Девьянец.

Долго в казарме нас не продержали, показали наши койки, где в тумбочках мы оставили свои вещи, – отныне я числился в первом взводе второго отделения, и повели на «материальный склад», выдавать нам обмундирование.

По дороге на склад мы снова проходили неподалёку от горстки солдат, которые, как мне показалось, делали вид, что сажают в твёрдую и уже промёрзлую землю вялые обрубки кустов. Солдаты принялись обругивать нас отборным матом и обещать лично отмудохать каждого, уверяя нас в том, что мы «кони потыканные». Нас сопровождал сержант Чухревич и один из ефрейторов, высокий и белобрысый вожак всей солдатской когорты, поинтересовался у него, чьи мы.

– Охрана, – безразлично ответил сержант.

– Пизда вам, печальные, – выругался ефрейтор.

Я проводил его гневным взглядом.

– Хули пасёшь, «слоняра»?! – Сказал мне солдат в замусоленном бушлате. – Я тебя запомнил, конь минский!

Я сплюнул и вместе со всеми продолжил свой путь по мукам.

На складе нас встретил радужный капитан Кабуцкий, заместитель начальника штаба по тылу. Нас построили в шеренгу и по очереди стали бросать в руки форму. Бушлаты, штаны, гимнастёрки, две пары белуг, портянки и берца.

– Бля, шевелись там! – покрикивал капитан.

Мы примеряли форму и берцы. Кто-то путался в одежде, не мог зашнуровать ботинки, и вся эта примерочная компания сопровождалась грубостью, которая мне, недавно бывши гражданским человеком, казалась недопустимой и приводила в оцепенение.

– Я вам сейчас мозги отбивать буду, – причитал Кабуцкий, хотя тогда я ещё не знал, что он не тронул бы нас и пальцем, однако такая армейская психологическая угроза, заставляла наши задницы пошевеливаться.

Кое-как нас экипировали и повели обратно в казарму. К сержанту Чухревичу присоединились высокий и белёсый младший сержант Дропак и низкорослый сержант Андрейчик с лицом крестьянского чухана. Они усадили нас на табуреты вдоль взлётки и принялись растолковывать, как нужно подшивать подворотнички. Я исколол себе все пальцы, пока маломальски пришел к своему воротнику эту белую тряпку.

– Слышь, а как у вас тут с «дедухой»? – спросил у Чухревича Дорицкий.

– Никто вас здесь трогать не будет, – ответил тот и улыбнулся. Его улыбка вселила в наши сердца надежду на спокойную службу.

– Ну, это пока не будут, – добавил сержант Андрейчик. – Пока вы все «запахи», не раступленные, всему обучаетесь, и спрос идёт с нас.

– А пока это сколько? – поинтересовался Дорицкий.

– Месяц карантина, а потом вас по ротам рассуют.

По крайней мере, это была хорошая новость. Значит одиннадцать месяцев вместо года. А это уже не так и плохо.

В десять вечера был отбой. Я лёг на свою узкую и скрипящую койку. После тяжёлого и суматошного дня спать, как не странно, не хотелось. В ушах стоял гул, в носу витал запах гуталина и сырости.

– Спите, «слоники» родные, ваших баб ебут другие, – раздался в темноте голос сержанта Чухревич, и я понял, что уж лучше бы мне поскорее заснуть, ибо подъём в шесть утра и новый армейский режим совершенно не обнадеживали.

Карантин

Или карантос. Период службы длинной в месяц у каждого военнослужащего срочной службы. Период адаптации, закаливания организма, освоения элементарных приёмов строевой, распорядка дня, основ устава гарнизонной и караульной службы, и прочих казарменных традиций, как уставных, так и не совсем. В общем, как окажется впоследствии, самый лёгкий отрезок службы, во многом запоминающийся для всех бойцов, не нюхавших пороху. Именно в карантосе всем станет ясно, чем приблизительно нам придётся заниматься в этой части и как пройдёт наша дальнейшая служба.

Ночью спалось тяжело. Кости ещё не успели привыкнуть к жёсткой пружинистой койке и вместо рук подруги, меня обволакивало колючее шерстяное одеяло. Мысли были спутаны и я не помню, как провалился в тревожный, но глубокий сон. Проснулся я за долго до официального подъёма и слегка вздрогнул, увидав на соседней койке дремлющее тело. Как потом оказалось, в час ночи привезли призывников из Гродно, около двадцати человек. Я проворочался с боку на бок до шести утра, в ожидании начала армейских будней.

– Рота – подъём! – рявкнул дневальный и его противный голос разлился по всей казарме вместе с ярким светом дневного освещения.

– Форма одежды три!

Я быстро вскочил с койки, ожидая такого развёртывания событий. Бренные тела на соседних койках ленно зашевелились, не осознавая до конца, что происходит.

– Подъём, печальные! – узнал я мерзкий голос прапорщика Девьянца. – Живее подорвали свои очёла!

По ходу событий сержанты объясняли, что форма одежды три – значит, одеть штаны с кителями и тапочки. Команды поступали весьма внятно и я быстро выполнил требуемое, первым выстроившись на взлётке. Смешно было наблюдать со стороны, как остальные пацаны пробовали себя укомплектовать. Даже прибывшие из Гродно, которым ещё не успели выдать форму, едва успевали натянуть на себя гражданку. Судорожное одевание сопровождалось матом старшины и смехом сержантуры.

С горем пополам новоиспечённые бойцы выстроились вдоль взлётки, зевая и протирая осоловевшие глаза.

– Так, что тут у нас?! – завопил старшина. – Нарушитель?

Девьянец подошёл к изрядно пошатывающемуся парню.

– Ну-ка дыхни?

Парень дыхнул.

– О, боец, это залёт! Под карандаш его! Фамилия твоя!

Парень что-то проямлил.

– Вынь хуй с пасти, скажи внятно!

Залётчиком оказался Кораленко родом из Могилева.

– Первый день и уже залёт! Я постараюсь устроить тебе в свою роту, и служба у тебя до дембеля в заёбе будет!

Далее нас погнали в сушилку одевать берцы и сразу же бегом на улицу, прививая с первого дня быстроту и сноровку.

На улице стоял холод собачий. Как бы я не пробовал втянуть шею в плечи, дрожь пробивала насквозь, бросая тело в холодный пот.

– Кто сегодня на подъёме? – спросил у Чухревича Девьянец.

– Шибко.

– Так чё ты сразу не сказал?! Гони это стадо на плац!

И нас под счёт «раз-два-три» погнали бегом на главный плац. Там уже выстроились бравые ряды всей части. «Карантин» поставили с краю, а со всех сторон только и доносилось шипящее и устрашающее «слоняры».

Я осмотрелся. Плац был площадью не больше обычного школьного стадиона, асфальт давно потрескался и белые полосы с очертаниями квадратов и линий построения, казалось, затянули этот прямоугольник земли своими толстыми ремнями. Напротив находилась трибуна с гербом и флагшток, на котором вяло повис символ коммунистической эпохи нашего государства. Левее от трибуны были размещены стеллажи с изображениями некоего бойца, который наглядно демонстрировал положения солдата в строю, эстетику подъёма ноги, поворотов и движений, а так же, как необходимо держать и крутить в руках автомат. По правую сторону от трибуны рос ряд высоких сосен и серое небо, грустно облокотившись об острые вершины деревьев, необъемлемой массой двигалось на север. Больше ничего, только сумрак и безразличие.

– Идёт, – внезапно прокатилось по рядам.

Над плацем повисла тишина. Я стал присматриваться, и недалеко от трибуны разглядел огонёк от сигареты. Потом кто-то выбросил его в сторону и вышел на центр плаца.

– Становись! Равняйся! Смирно! Равнение на середину! – отрапортовал незнакомец, повернулся кругом и снова стал двигаться к трибуне.

Лишь тогда я разглядел, как из темноты деревьев показался второй силуэт, высокий и крепкий мужчина, который шёл в направлении первого. Около трибуны за пять шагов друг от друга они остановились, приставив руки к голове, что-то обсудили, и возвратились на центр плаца.

– Здравие желаю, товарищи солдаты! – раздался голос полковника Шибко.

– Здравие желаем, товарищ полковник! – разнузданно ответила вся часть.

– Плохо! Что не выпались, бойцы? Ещё раз! – скомандовал полковник.

– Вот сука, – шёпотом сказал кто-то.

Только с третьего раз мы кое-как ответили полковнику на утреннее приветствие, после чего отправились на пробежку вокруг части.

Бежали по ротно, тяжело дыша друг другу в шею. Бойцы из остальных подразделений обгоняли нас, называли «слонами», всяческим образом выказывая своё негодование к нашим персонам, словно получали от этого моральное удовлетворение. Я видел, как в задних рядах некоторых подразделений мелькали огоньки от сигарет. «Дедушки» покуривали набегу, демонстрируя нам «желторотикам» свою мастерскую практику и смекалку.

После первого круга я согрелся, а пробежав ещё два, с меня можно было выжимать потную белугу.

Вернувшись в роту, мы заправили свои койки, и пошли умываться, бриться и чистить зубы. В душевой стояло два ряда умывальников по пять с каждой стороны, поэтому приходилось занимать очередь.

Я намочил своё лицо и посмотрел на себя в зеркало. Казалось, на меня смотрел совершенно другой человек – глаза были поджаты, скулы напряжены. Как бы я не хотел, но у меня совершенно не было желания улыбаться или поддерживать шуточки других ребят. Ничего, период адаптации проходил быстро.

В семь утра нас построили на приём пищи, вывели на улицу и под счёт направили к столовой. «Стелс» находилась недалеко от штаба части, и представляла собой небольшое одноэтажное строение. Завели внутрь, где мы повесили на вешалках свои бушлаты и друг за другом направились к раздаточной, получать первую порцию солдаткой каши. Я сел за столиком рядом с Дудалевичем, который оказался тем самым моим соседом по койке, и у которого было непропорциональное лицо, так что левая скула выступала в сторону больше правой, Ванным родом из Гомеля и Кокадреккой, больше похожим на миниатюрную свинку. Как оказалось, у них

остались домашние харчи, и они разложили их на весь стол. Харчи разрешалось съесть, что мы тут же и исполнили.

– А я, пожалуй, отведаю и армейского пайка, – сказал Дудалевич, доев свою ссобойку.

– Фу, как можно есть эту похлёбку, – по-девичьи возмутился Какодрекко и надул розовые щёчки.

Мы ели копчёную колбасу с батоном и запивали это дело апельсиновым соком, делясь первыми впечатлениями.

– Как я вынесу тут целых полтора года? – вздыхал Ваннй, крепкий, взбитый парень, жадно вгрызаясь в бутерброд.

Относя подносы к отстойнику, нас уже поджидали солдаты, заступившие в наряд по столовой.

– Слышь, братан, угости сигареткой, – обратился ко мне парень с замученным от недосыпания бледным лицом.

Я достал пачку и протянул ему.

– Я пять возьму, – сказал он и наглой грязной рукой вытянул пол пачки.

Я поставил поднос и направился к выходу.

– О, земля, сигаркой не угостишь, совсем курить нечего, – обратился к кому-то за моей спиной тот же голос.

Возвращаясь в роту, мы сели с сержантом Чухревич в курилке. Как приятно было затянуться первой за эти часы сигаретой. На улице было сыро, я сидел на лавке в этой нелепой форме и с грустью посматривал по сторонам.

– Не хер этим «слонам» третьего периода сигары раздавать в столовой, вы их вообще экономить должны, ща придут ваши сержанты, а у вас папирос нет, прячьте их подальше, а лучше вообще остальным говорите, что не курите.

Мы помалкивали, не особо вникая в армейский быт и традиции.

«Хопіць раскісаць. Мяне нішто не змусіць перамяніцца. Ніякія абставіны. І яшчэ, трэба сабе паабяцаць, з гэтай хвіліны і да апошняга думачь па-беларуску. Няхай гэта будзе маёй падтрымкай, кропля святла ва ўсім гэтым чадзе, каб канчаткова не звар'яець, застацца чалавекам, мужным і стрыманым, бязлітасным і дзёрскім. Нават у самых складаных абставінах», – подумал я и решил придерживаться этого правила и впредь.

В роте нас встретили только прибывшие с учений сержанты батальона охраны. За нашим взводом закрепили сержанта Шмелёва, невысокого парня, весьма смахивающего на шимпанзе и младшего сержанта Кесарчука, высокого подтянутого юношу со шрамом на правой щеке. После того, как остальных ребят прибывших ночью из Гродно, Бреста и Могилева экипировали в форму и расформировали по взводам и отделениям, наш первый взвод завели в линейку и рассадили за парты. Я сел в самом конце вместе с Дудалевичем.

– Ну, что, пацантрэ, поздравляю вас с прибытием в ряды нашей доблестной части и отвечаю, что попали вы в полную жопу. Меня зовут Влад Шмелёв, можно просто Шмель, а это Кесарь, – ткнул локтём Кесарчука Шмель, так что у того враз побагровела полоска тонкого шрама. – На время карантина мы будем тут за вами присматривать, так что слушайте и держитесь нас, потому что за любой ваш «слонячий» косяк по шапке получать будем мы, но потом, когда вас рассуют по ротам, с вас спросят. Так что ну его на хуй косячить в эти первые дни.

Шмель важно подтянул к себе с края стола гору наших личных дел.

– Так, ну а сейчас познакомимся, – сказал он. – Кто тут у нас. Шынкoвский?

– Это я, – ответил паренёк, с которым мы вместе прибыли из районного военкомата.

– Э, подорви очёло! – скривил рожу Шмель.

Шынкoвский встал.

– Когда называют фамилию, надо вставать и говорить «я», если в помещение заходят «шакалы» – такая же история, прапор ещё ладно; будите тупить – не покурите, будите выёбываться – не покурите, сходите в чифан. Запомните, здесь за одного страдают все. Мне лично по хуй, кто там кем был на гражданке, да хоть мастер спорта по каратэ, теперь вы все солдаты первого периода – «слоны» значит. Кесарь – «фазан», ему можно, например, курить и не спрашиваться у меня разрешения, он второй период, я уже «дед», т.е. третий, мне вообще везде зелёный свет. Так что в ваших же интересах сразу сечь фишку и вникать, что да как. Тут мамки нет, девку за сиську не подержите, друзья не помогут. Первые полгода вы вообще умирать должны.

Такие откровения сгущали краски, понятия смешили, а сама ситуация рождала в мыслях протест и негодование.

– Марик?

– Я! – быстро вскочил коренастый парнишка.

– Откуда сам?

– Из Гродно.

– О, земля! Ты с какого района?

– Фолюша.

– А Ножика знаешь?

– Нет, не слышал...

– Садись. Иванов?

– Я, – встал невысокий смуглый парень.

– Город?

– Гродно.

– Что-то в этом году много гродненских, – обратился Шмель к Кесарчуку. – Чем на гражданке занимался?

– Работал на шиномонтаже.

– Баб много отодрал перед армейкой?

– Ну так, – почесал затылок Иванов.

– А я троих сделал в отпуске, прикинь – двух за ночь и одной на клык накидал, – сказал всё тому же Кесарчуку гоповидный Шмель.

– Ка-ко, ку-ка, что? – недовольно произнёс сержант.

– Какадрeko, это я, – встал розовощёкий паренёк.

– Буду звать тебя Какодридзе, сука ну и фамилия.

– Почему Какодридзе? – возмутился «поросёнок».

– Потому что фамилия грузинская! Ебало закрыл и сел на место.

Какадрeko расстроено присел.

– Ванний?

– Я, – встал здоровяк.

– Откуда?

– Гомель.

– Оно и видно, Чернобыль прошёлся, восемнадцать лет, а выглядит на тридцать.

– Не смешно, товарищ сержант.

– Слышь, «слон», тебе говорили, что лучше не рамсить? – тут же встрял Кесарчук.

– Да ладно, Серёга, пусть пыжит, один косяк и всем взводом не покурят, посмотрим, как потом заговорит.

– Я не курю, – безразлично сказал Ванний.

– Оно и лучше, – разулыбался Кесарчук, – пацаны, скажите спасибо Ванному, из-за него вы сегодня не курите.

Ванний сел, а со всех сторон послышалось недовольное причитание:

- Спасибо тебе, Вова...
- Шкондииков?
- Я! – вскочил юркий паренёк.
- Смотри, Серёга, пол года служит, во подфартило! Кафедра военная. Так «слоном» и уйдёт. От куда такие кадры?
- Берёза.
- Нехайчик?
- Я! – по стойке смирно встал мальчуган лицом похожий на мышь.
- Откуда?
- Могилев.
- Сиченков?
- Я, – встал болезненно бледный парень.
- Откуда?
- Брест.
- О, Серый, твои края.
- А ты, случайно, не из 31 школы? – спросил у Сиченкова Кесарчук.
- Да, оттуда.
- Я помню тебя, ты в старших классах учился.
- Может быть.
- Вот подсосало пацану, – заржал Шмель, – ща тебя младшой здесь погоняет, но это ничего, в армии возраст ни о чём не говорит, главное – период службы.
- Шмель назвал мою фамилию, и я не спеша поднялся.
- Ещё один «годзилла»!
- А почему «годзилла»? – спросил я.
- Потому что год служишь, а все нормальные пацаны полтора жмут.
- Ну, кто на что учился.
- Умный я смотрю, учитель истории, пацанам в школе небось двойки ставил, да?
- Не, я нормальный был.
- Ну, живи пока.
- Дудалевич?
- Я! – вскочил мой сосед.
- Чё с лицом?
- От природы такое, – растерялся тот.
- Деревянное, – тупо заржал Шмель и мне уже захотелось его вырубить.
- Гузаревич?
- Я!
- Глянь ка, однофамилец сержанта нашего Гузаревича из третьей роты?
- Это мой племянник, – сказал парень моего возраста.
- Нормально, племяш будет дядю на кости ставить, вот я и говорю, справедливости в армии не ждите, тут совершенно другие законы.
- Тряпичный?
- Я, – встал паренёк с круглыми глазами.
- А ты чё такой довольный, курил на гражданке?
- Нет.
- Ну, так убери эту тупую ухмылку, а то я думаю ты с меня стебёшься!
- Тряпичный нахмурился и сел.
- Мукамолов?
- Я, – поднялся мальчик лет пятнадцати.
- Тебе сколько лет, малая?

- Восемнадцать.
- Сразу после школы забрали?
- Нет, я с девятого класса работать пошёл.
- Будешь Мукой. Гурский?
- Я! – встал высокий детина с женственным лицом.
- О, по тебе сразу видно, что сварщик, – сказал Шмель. – Какую хабзу заканчивал?
- Вторую могилёвскую, по классу сварки.
- Рыбак рыбака, видит из далека. Я как дембельнусь, на стройку варить пойду, там счас зэпэха что надо... Так, кто дальше, Селюк?
- Я! – подпрыгнул тёмно-волосый коротышка.
- Откуда?
- Брест.
- Шманай?
- Я, – встал ничем не примечательный паренёк с прыщавым лицом.
- Дай ка угадаю – Гродно?!
- Жлобин.
- Садись, кэлх.
- Хитрец?
- Я!
- Откуда, хитрожопый?
- Городской посёлок Ганцевичи.
- Какой же это городской посёлок, вёска в натуре, ты – колхозник!
- Ну не знаю...
- Малая ждёт?
- Конечно.
- Давно встречаетесь?
- Три года.
- А зовут как?
- Наташа.
- А номерок дашь?
- Нет.
- Да ладно, я шучу. Но скажу одну вещь, бабы эти существа непостоянные, на граждане это да, ещё можно удержать, а тут... У нас в роте из всех только троих дождались, да и то не факт, что они ни с кем за это время не кувыркались, кто тебе признается. Кесаря вун тоже бросила, коза.
- Приехала на присягу и сказала, что бросает, – досадно подтвердил Кесарчук.
- Так, ну и последний фрукт. Леонов?
- Я, – встал высокий светловолосый парень с одним ухом.
- А что со вторым, бедняга?
- Собака в детстве откусила.
- Так ты на уши долбишься?
- Да нет, вроде.
- Ты – лох, – тихо сказал Шмель.
- Что-что? – переспросил одноухий.
- Ну, а говоришь, не долбишься.
- Одноухий обиделся и сел на место.
- Почему-то никому смешно не было. Мы сидели с некоей опаской, поглядывая на этих двух персон.

– Короче ладно, сидите тихо и не рыпайтесь, а я пока порублюсь, Кесарь, если кого что-то интересует, всё по факту вам разложит, – сказал Шмель и, положив голову на шапку-ушанку, вмиг уснул.

В ту же минуты парни со всех сторон стали засыпать Кесарчука вопросами. Я же погрузился в себя, меня абсолютно ничего не интересовало, уже в тот момент я мечтал о кровати, о том, что можно помолчать, ничего не делать и забыться, пусть ненадолго, но всё же на мгновение предать мысли забвению.

Через два часа после просидки в линейке нас повели на плац на первую строевую.

Сперва мы отрабатывали повороты на месте и движения рук. Потом передвигались по квадратам, поднимая ноги, потом маршировали. Мышцы забились на столько, что через час было просто больно ходить. Командовал нами Шмель, злобно покрикивая на нас, помогал ему Кесарчук, он с большего молчал, лишь делал замечания наиболее слабым новобранцам. Как лично мне показалось, сержанты просто рисовались перед старшим лейтенантом Студневым, командиром закреплённым за нашим взводом. Тот, в свою очередь, практический не обращал на нас внимания, стоял в стороне, разговаривал по телефону, пряча под воротник бушлата лопухие уши. Он был невысокого роста и чем-то смахивал на гнома. И у меня сложилось первое впечатление, что он скромный губошлёп.

Каждый четверг солдат возили в баню. Нам выдали «мыльно-рыльное», погрузили в синий «МАЗ» и повезли по назначению. Баня находилась поблизости от части. Я сидел у окна и смотрел на город. В ноябрьской дымке Минск казался уставшим и печальным. Но мне нравилось смотреть на его серые очертания, на каждый жилой дом, людей, испарения, грязный снег. Казалось, мгновение назад я находился в месте, лишаящем меня свободы и наделяющим определёнными обязанностями, а там, за окном автобуса, проходила иная жизнь, а я был словно вне её, вроде бы рядом, но сторонним наблюдателем.

Возле бани нас построили в колонну и по рядам запустили внутрь.

На входе прапорщик Девьянец разъяснил нам политику всеобщего омовения:

– У вас есть ровно десять минут, чтобы помыть жопы и выковырять подзалупный творожок, воду не разливать и не баловаться!

Как оказалось, баня представляла собой длинный коридор с шестью душевыми по бокам.

– В душевую заходим по три! – скомандовал старшина и уселся на стул возле входа.

Мы разделились на группы, и пошли мыться.

Душевая была настолько мала, что даже одному человеку было бы там тесно и неудобно. Мы раздевались, тёрлись друг о друга спинами. Один из пареньков в моей группе, со второго взвода, с волосами на спине, оказался к тому же ещё с ног до головы покрыт прыщами и краснеющими чирьями.

«І чаму менавіта гэтая пачвара трапіла разам са мной?!»

Я старался стоять от него поодаль, едва не прижавшись к стене, но крохотность площади всё равно позволяла касаться его шелуховатой кожи. Уж лучше бы я вообще не мылся...

И вот снова автобус, несколько минут города и пара прохожих; ворота закрываются и всё – наступает уныние и полная апатия.

Утром следующего дня у нашего взвода случился первый косяк. Мы шли на утреннюю пайку. От казармы до «стелса» было около пятидесяти метров. Мы прошли штаб, свернули

за чифаном налево, прошагали несколько метров вдоль стадиона. Я увидел дома за чертой части. Было семь утра и в некоторых окнах горели огни, тёплый домашний свет и уют.

«Там, відаць, зараз хтосьці заварвае сабе каву, глядзіць тэлевізар, прагортвае навіны на кампутары, атрымліваючы асалоду восеньскай раницы, няхай і не такой прыемнай, аднак лепшай за нашу».

Под счёт «раз-два-три», «выше ногу, убогие» мы выстраиваемся возле одноэтажного здания, из глубины которого пахнет едой. Шмель забегаёт по ступенькам, докладывает дежурному по штабу, что прибыл первый взвод карантина и по шеренгам, друг за другом, заводит нас в столовую. Внутри тепло и приятно. Мы вешаем бушлаты, опять выстраиваемся у входа в раздаточную и по команде направляемся за утренней порцией. Всё угнетающе-однообразно и немного уже начинает раздражать.

Не доев до конца, Гурский вскакивает с места и несёт свой поднос к отстойнику.

– С хуя ли ты подорвался, военный? – останавливает его Кесарчук.

– Так если мне не лезет, зачем давиться? – удивляется тот и заносит свою порцию.

По пути к казарме мы сворачиваем на общий плац, делаем там три круга, высоко поднимая ноги, потом сержанты останавливают наш взвод посередине и ещё минут пять мурыжат наши тела, заставляя становиться «смирно», «равнение направо и налево».

Гурский немного выше меня и стоит в первой шеренге, как раз передо мной.

– Ты я вижу, самый борзый «слон», – подходит к нему сержант Кесарчук, хватая за воротник и, вырвав верхнюю пуговицу из бушлата, бросает на землю. – Вечером проверю, как пришил, а пока до конца недели ваш взвод не курит!

Женоподобный Кесарчук оказался не таким уж и робким пареньком, как нам показалось с первого раз.

После обеда началась зубрёжка караульных статей. Нас рассадили по центру взлётки в четыре ряда перед столом, за которым восседали бравые сержанты, и под диктовку заставили записать первую партию статей. В общей сложности нам необходимо было выучить наизусть около двадцати пяти, для ясности, это где-то четыре листа формата А4 мелким почерком. Нас действительно готовили к караулу, с ярым желанием зачислить большинство в охрану.

– Рассказывать статьи надо дословно, – пояснял Кесарчук, – нельзя менять слова местами, и на ходу придумывать новый контекст.

– Я в школе то и стишок выучить не мог, а тут этот талмуд зубрить? – возмутился Шманай.

– Ничего, на костях быстро учится, – сказал ему Кесарчук.

– В ваших же интересах выучить эти статьи в карантине, – говорит Шмель. – Когда вас расформируют по ротам, там совершенно не будет времени на подготовку, а первый экзамен уже в начале января. Я, конечно, тоже сначала думал, как выучить так много текста, но когда побывал в карауле, желание появилось сразу. Пацаны, летом в карауле просто шик, ездите по городу, плятите на телочек, люди вокруг гуляют, как на празднике короче, а в роте одни работы, строевые, наряды, сами выбирайте, что лучше...

– Ну, по первому в карауле заёб, – добавил Кесарчук.

– По первому это да, но зато потом...

Я воодушевился сказанным. Прибывать вдали от части целые сутки, в этом что-то было. Прочитал пару коротких статей и тут же их запомнил.

«Здаецца, не цяжка...»

Потом наш взвод ступил на полосу сплошных неудач. На следующее утро в столовой случился очередной нелицеприятный инцидент. Ванного поставили на бушлаты, т.е. в то время, когда мы поглощали пищу, кто-то один из нашего периода по очереди должен был стоять возле вешалок с бушлатами и смотреть в оба, чтобы чего не спёрли. Чаще всего пропадали кокарды, перчатки и даже шапки ушанки. Воровали все кому не лень из других рот, желая обзавестись новенькими вещами, свои были изношены, а тут такая возможность. Первый, кто окончит приём пищи, должен был сменить Ванного и только тогда он мог получить свою жалкую порцию армейского яства. Ванный, не дождавшись смены, ринулся к раздаточной и взял свою порцию, опасаясь, как бы не остаться без пайка. К тому времени, признаться, наши животы успели сузиться, и армейская пища уже шла за две щеки. Постоянно хотелось есть, чего-нибудь жирного или сладкого, а вместо всего этого приходилось довольствоваться безвкусной и обезжиренной кашей.

Уже одеваясь к Ванному подскочил свирепый Кесарчук и нанёс ему в грудь два прямых удара.

– Ты охуел! – шрам Кесарчука побагровел, так и желая сорваться с его лица краснокрылой птицей и умчаться прочь из этих мест.

Ванный был вдвое шире злобного сержанта и вырубил бы его с одной подачи. Я видел, как яростно затряслись его сжатые кулаки, видел его бычьи глаза, поэтому быстро подошёл к нему и затащил в строй.

– Вы «слоны», не курите ещё две недели, – заключил Кесарчук.

Возвращаясь в казарму Ванний сказал:

– Я убью его, если он ещё раз меня тронет.

«Такія справы».

Утром следующего дня мы преспокойно шли себе обратно в роту, возвращаясь со «стелса». Небо напоминало скисшее молоко, а шею поверх воротника бушлата лизал гадкий ветер. Ничего не могло радовать, ни о чём не хотелось думать.

К моему великому удивлению, Шмель двинул наш взвод в сторону курилки, скомандовал всем зайти внутрь и сесть, что мы послушно и исполнили.

– У нас во взводе стукач появился, – закинув ногу за ногу, презрительно начал он. – Меня сегодня перед пайкой к себе комбат вызвал на огурцы.

Шмель закурил и выпустил на волю клуб дыма, некоторые пацаны повели носами, стараясь уловить табачные ароматы. Прошло уже два дня, как наш взвод не курил.

– Сказал, что запрещаю вам курить, и могу на кичу поехать за неуставщину, – продолжал разглагольствовать Шмель. – Вы, «слоны», такие тупорылые, думаете я не знаю, кто это сделала? Да комбат мне сам фамилию назвал! И если этот чамар не ссыкло, то хотя бы здесь признается перед пацанами.

Мы тут же принялись рыскать глазами друг по другу, силясь найти у кого-нибудь во взгляде перемену или замешательство.

– Это я сказал... – промолвил одноухий стропило Леонов.

– Вот, сука, – зашипели на него со всех сторон. – Зачем, Володя?!

Он потупил взор и молчал.

– Ты, говно, попал в мой чёрный список, – сказал ему Шмель. – Я специально поговорю с комбатом, чтобы тебя в нашу роту распределили и до конца моего дембеля ты у меня умирать будешь, а сегодня ещё по всем ротам клич кину, что ты чёрт галимый, и ни где тебе покоя не будет. Вешайся сразу!

Одноухий лишь тяжело вздыхал.

– Ну, а раз у нас во взводе курить комбатом не запрещается, чего уж там, давайте. Смелее, доставайте сигареты, пацаны, можно ведь, – сказал Шмель.

Некоторое время мы не решались.

– Да я серьёзно вам говорю – курите!

Мы быстро подоставали свои сигареты, закурили, сделали первую, глубокую, сладчайшую затяжку, и, в этот момент Шмель отправил свой бычок в мусорку, быстро вскочил и командовал:

– Окончить перекур, встать первый взвод!

Дым валил трубой.

– Э, дебилы, живо побросали соски и уебали в роту! – рявкнул Шмель.

Сигареты полетели в урну, лишь один Иванов силится сделать ещё пару затяжек.

– Иванов, «слоняра», ща у меня на кости упадёшь!

Мы возвращались в роту, смакую во рту привкус одноразового дыма.

– И потом не говорите там, что я курить запрещаю, вафлики, – говорил нам в след Шмель.

После обеда сержанты либо решили над нами смиловаться, либо их испугали угрозы комбата. Возле «стелса» свернули на узкую дорожку и вышли к святой святых – чифану. У порога данной богадельни Шмель остановил нас и чётко разъяснил:

– Скидываемся нам с Кесарем на две пиццы, попить чего и мне пачку сигар не ниже «Винстона».

Мы скинулись по рублю и ломанули по высоким ступенькам с чипок.

Изнутри чифан напоминал сельский магазин. Обилие свежих булочек, пирожков, смаженок, коржиков, пряников, карамельных конфет, халвы, лимонада и прочей провизии, которую я то и на гражданке не особо жаловал, представлялась в то мгновение бескрайним оазисом сладострастного чревоугодия.

Шмелю с Кесарчуком купили по две домашние пиццы, колы и сигарет. Сержанты тут же устроились в конце помещения за круглым столом, не спеша пережёвывая свои угощения и с интересом поглядывая в нашу сторону. Мы же всем взводом встали в длинную очередь, в маниакальном ожидании поглотить своими ртами все вкусности, которые только можно было купить за деньги.

Я стоял и смотрел в маленький чёрно-белый телевизор, который висел на стене за буфетчицей. Шёл канал СТВ, «Музыкальный ринг», играла группа «The Toobes», как будто «The Why» в далёком 1969 году. Я смотрел на них и лишь вздыхал. Мои пальцы отвыкли от струн, и хотелось обругать всех матом.

Насытившись вдоволь сладким, так что дыхание прерывалось на полу-вздохе, мы отправились в роту. Возле казармы Шмель даже разрешил нам нормально перекурить.

– Сколько?! – спросил как-то у меня в душевой Шмель, когда мы после очередного ужина готовились к завтрашнему дню: умывались, брились, чистили зубы.

Я растерялся.

– Времени в смысле?

– Сколько? – улыбался мне Шмель кривыми зубами.

– Влад, двадцать минут девятого! – подошёл к нам Гурский.

В последнее время я стал чаще замечать его возле сержанта Шмелёва. Они вместе ходили курить, шутили, словом, стали самыми закадычными друзьями, даже Кесарчук не казался на его фоне так приближен к Шмелю. Однажды, сидя в курилке, Шмель нам сказал, что самый

нормальный пацан среди нас это Володя Гурский. Все из наших называли его между собой «подсосником», но языки держали за зубами.

– Да нет же, «слоны», сколько?! – повторял Шмель. – Сколько? Сколько? Сколько? – расхаживал он голым по душевой, тыча во всех пальцем.

Я обратил внимание на Кесарчука, он стоял возле окна и пальцем что-то написал на запотевшем стекле. Приглядевшись, я распознал цифру сорок восемь.

– Сорок восемь! – крикнул Селюк.

– Кто сказал? – не ожидая, спросил Шмель.

– Я!

– От куда ты знаешь?

– Так Серёга на окне написал.

– А что это означает?

– Не знаю.

Кесарчук вышел на центр душевой, взял тазик и окатил себя с ног до головы горячей водой.

– Сорок восемь, – поёжившись, важно сказал Кесарчук, – значит, столько дней осталось служить, когда у вас «дедушка» будет спрашивать «сколько», надо точно ответить, сколько ему до дембеля осталось, ответите неправильно, будете в сушилке на костях жать число, которое по незнанке назвали.

Шмель довольно намыливал яйца чьей-то мочалкой.

– Да, сорок восемь и домой...

В первом взводе сидеть можно было только под видом изучения статей. Всё остальное время, мы всегда были обязаны быть чем-то заняты. Шмель и Кесарчук постоянно за этим следили и покрикивали на нас пуце других сержантов из других взводов. Я видел, как во втором и третьем взводах бойцы вольготно расслаживали на табуретах и вели пространные беседы. Стоило кому-нибудь из нас присесть, тут же откуда не возьмись являлись наши надзиратели и с криками «живо отбивать кровати», лишали нас отдыха.

Пришлось ухищряться, брать в руки тетради и, глядя в них, тихо перешёптываться.

Больше всех ныл здоровяк Ванний.

– Это ж только две недели прошло, а я уже домой хочу.

– А я бы сейчас пивка накатил, – заговорил о больном Иванов.

– И рыбки сушёной, – добавил Марик.

– Пацаны, успокойтесь, – встрял Шинковский, – зачем психику травмировать?

– А вот же повезло тебе, – обратился ко мне Ванний. – Год всего служишь и я бы мог...

Почему вышку не закончил?

– Повезло у нас Шкондикову, он вун вообще полгода, – сказал ему я.

– А я вот дневник вести стал, – шептал Тряпичный. – Буду каждый день записывать, что да как, а потом под дембель по роте пушу почитать.

– Ага, как толчки драил, и кровати отбивал?! – засмеялся Иванов.

– Нет, о мыслях и переживаниях...

Шмель часто устраивал показательные отбивания кровати.

На взлётку выставили койку, и сержант показывал всему карантину, как правильно заправлять постель и отбивать её плашками. В его исполнении это выглядело безукоризненно. Ровно отбитое и натянутое покрывало только радовало глаз. Нам же оставалось ещё долго практиковаться в этом не простом ремесле, дабы в будущем демонстрировать в роте свои навыки.

А через пару дней Шмель сказал заправлять за собой кровать рядом спящего с собой Шинковского. Тот отказался и получил за это под дых, отпрянув на койку.

– Значит, Иванов будет заправлять, – сказал ему Шмель.

– Э, Саня, ты не офигел, – тут же возмутился на Шинковского Иванов. – Топишься в говне, других не топи!

Уже на следующее утро я видел, как Шинковский заправлял за Шмелём койку.

Кесарчук спал рядом со мной, но мне такие указания не давал. По статусу ещё было не положено.

Однажды Шмель устроил нам поучительную встряску коек. С утра мы плохо отбили кровати и, придя с пайки в роту, он подорвал весь взвод, перевернув матрасы каждого бойца.

– Вы курить опять бросить захотели?! – оскалил он на нас свои обезьяньи зубы. Его лопоухие уши стали ещё больше и мне даже показалось, отчаянно затряслись от злости.

– Как вы в роте жить будите? Что за период, самый худший взвод.

Здесь он, конечно, преувеличивал. Взводом в карантине мы были самым лучшим. Громче всех пели, шли строевым в «стелс», при команде «прямо» со всей дури вдаряли каблуками берцев по заледеневшему асфальту. Шмель с Кесарем держали нас в ежовых рукавицах, прививая с первых дней дисциплину батальона охраны.

– На хрена мне эта артподготовка, – постоянно жаловался нам Ванний. – Я в охрану не собираюсь...

– Чтoб не растащило, – язвил как всегда Иванов. – Пойдёшь в свои «автoботы», а койку как следует заправлять не умеешь.

Подорвав матрас Шкондикова, на пол из его кровати посыпались конфеты. Шмель обрыскал лежак и вытянул оттуда заныканный пакет сладостей.

– Взвод, это залёт! – подняв над собой улики, скривил и до того непривлекательное лицо сержант Шмелёв.

– Не курите до конца карантина, – вякнул Кесарчук.

К Шкондикову на выходные приезжало целое семейство и он, видимо, решил затихорить для себя про запас.

– Хоть бы с пацанами поделился, не так бы обидно было, – вздохнул Ванний.

Вечером Шмель придумал для «полугозиллы» наказания, заставив его съесть весь мешок конфет.

Мы подшивались, а он закидывал в свою пачку шоколадки.

– Товарищ сержант, может, мы поможем, всё-таки за одного страдают все, – встрял Иванов.

– Самый раступленный, что-ли? Пусть жрёт.

На десятой конфете я заметил, как лицо Шконда помрачнело.

«Няїржo прыйдзеццa ўвeсь пaкeт з'eсцi, a тaм дoбрoх пaў кiлo?»

– Шмель, да хорош... Ещё в санчасть загремит, нам же комбат разнос устроит, – включив мозги, сказал Кесарчук.

Шмель помялся, и, забрав себе пакет с остатками роскоши, пнул Шкондикова под зад.

– Съебись с глаз моих, вафля!

Каждую субботу во всех подразделениях проводилось ПХД, т.е. парково-хозяйственные дни, или же, выражаясь языком армейским, – «полностью хуёвый день». Все кровати выносились на взлётку и мы сперва подметали пол, протирали пыль, поливали цветы, потом получали от старшины Девьянца бруски хозяйственного мыла, которые тут же кропотливо натирали

ножницами в тазы, заливая всю эту консистенцию водой и взбалтывали шваброй до состояния пены. Полученную массу мы старательно выбрасывали на пол и размазывали по всей казарме, потом смывали тряпками и заново мыли пол. Процесс не из приятных, но даже в этих стенах нашлись юмористы, которые назвали это мероприятие «пенной вечеринкой». Весьма остроумно. Именно с тех минут я осознал, что ко всему в армии нужно относиться с улыбкой и фигой в кармане, чтобы окончательно не тронуться умом.

Мы катались на швабрах, размазывая пену по всем углам, даже не представляя, сколько времени нам понадобится, чтобы её убирать. Шутили. Сержанты сидели на кроватях, выставленных на взлётку, тупились в телефоны, ленно покрикивая на нас.

А потом дневальный с тумбы, низкорослый дрыщ третьего взвода, громко прокричал мою фамилию на всю располагу.

Я подбежал к бойцу.

– Чего?

– К тебе приехали на КПП.

Вмиг возле меня появился Шмель, быстро отвёл в сторону и сказал:

– Ты когда будешь обратно в роту идти, не забудь прихватить чего съестного и для нас с Серёгой.

.....

На КПП ко мне приехали друзья. Я сидел на лавочке, ел конфеты и слушал в наушниках нашу первую демо-запись. За эти недели я напрочь отвык от мира и музыка, звучащая в моей голове, казалась совершенно фантазмагорической и непонятной. В основном я молчал, рассказывать было нечего, а новости, которые мне травил друзья, представлялись такими чуждыми и далёкими от этой обстановки, что я подумал о том, уж не ошиблись ли они адресом и вызвали не того человека.

Воскресение в армии считалось самым свободным днём. Мы закрывались в линейке и под видом изучения статей, читали газеты. Я был удивлён, обнаружив там литературные журналы «Малодосць» и «Нёман». Приятно было перелистывать рассказы Андрея Федаренко и других немногих белорусских писателей, с которыми я был лично знаком, и которые мне нравились, как авторы. Я вспомнил, как я относил в редакцию свои первые недопробы пера.

В линейке мы так же обнаружили две акустические гитары. Одну из них облюбовал Сиченков, он что-то брэнчал, выдавая своей игрой увлечения металлом, потом, увидев, что никто более не осмеливается взять в руки второй инструмент, я примастился рядом. Мы играли всевозможные каверы, которые только знали. Я играл хуже Сиченкова, поэтому обыгрывал ритм партии. Пацаны заворожено смотрели в нашу сторону и улыбались. Особенно хорошо получалась «Metallica».

– А ну-ка слабайте мне Круга «Владимирский централ», – уселся напротив нас ближе к вечеру сержант Шмель. – А потом и «Демобилизацию» Сектора.

Мы играли. Мои пальцы, отвыкнув за эти недели от жёстких струн, бегали по грифу, и я готов был играть что угодно, лишь бы ещё немного подержать в руках этот заюзанный инструмент.

По утрам пробежки, после каждой пайки фанатичное отбивание кроватей, нет минуты, чтобы даже поковырять в носу, всем карантинном сидим на взлётке и сержанты учат нас перема-

тывать портянки, потом зубрёжка статей, снова отбивание кроватей, постоянная уборка помещения, подметание полов, помывка сортиров.

Вечером перед ужином весь карантин стоит на взлётке в упоре лёжа.

– Охрана всегда жмёт на костях, – расхаживая между нами, деловито разъясняет голый по пояс сержант Шмелёв.

Пол кафельный и наши нежные кулачки впервые чувствуют то неприятно режущее ощущение в костяшках дрожащих рук.

– Раз, два, полтора!

Торс у Шмеля, словно изваяние античной скульптуры, грудь вздрагивает в такт нашим отжиманиям.

– Держим уголок, печальные!

Моя задница плотно упирается в холодные кафельные плиты, ноги вытянуты вперёд, руки пытаются дотянуться до носков. Живот напряжён, и острая боль пронизывает мышцы пресса.

– Ещё и получаса не прошло, а вы уже ноете, девочки, – жизнеутверждающе говорит Шмель. – Что вы в роте делать будете?! Сдохните на первом «физо».

Потом мы сидели в курилке перед вечерней прогулкой и молча слушали рассказы Шмеля, который рьяно поучал нас, как надо будет себя вести и разговаривать со старшими в роте. Снег вяло падал на почерневшую землю. В курилку зашёл боец, видимо из роты Шмеля, достал из бушлата конверт, поджёг его зажигалкой и зло выбросил в урну.

– Два месяца, тварь, грёбанных два месяца не дождалась! – заключил он.

«Як прыкра, аднак мне хочацца рассямяцца табе ў твар, усім сваім выглядам і светапоглядам ты заслугоўваеш такога да сябе звароту. Свет існую не з учора, хлопчык, часам трэба плаціць на заслухах».

Мне хотелось потешаться над его горем, над проблемами этих пустолобых чурбанов с их обывательскими потребностями и мировоззрением. От беды подальше я спрятал свою ехидную улыбку в тёплый воротник бушлата.

В курилку зашёл Кесарчук. Он не курил. Как сам рассказывал, бросил ещё по «слонячке». Примостился в углу лавки и включил музыку на своём телефоне. Излюбленное занятием солдат, которым уже положено иметь мобильники. Ей-богу, гопарьская мода.

– Новый репер появился, из наших, Макс Корж. Сам служил, текста правдивые, чисто по пацанской теме разгоняет, – сказал Кесарчук и в курилке повисла тишина.

Из его динамиков раздалась гармошка, а потом и сама песня «Армия». Я слушал вместе со всеми. Текст и вправду был хорош, про таких же, как и мы с тревогой и грустью в голосе, коротко и по существу

Но ассоциации с этими окружением, с этими Кесарями и Шмелями вызывали во мне лишь отвращение и негодование к этой песне.

Через пару недель Макс Корж был в мобильнике у каждого уважающего себя «полагена», «дедушки» и «фазана».

Хотелось сплюнуть под ноги каждому из них.

С понедельника началась подготовка к присяге.

Мы маршируем по плацу, размахивая руками, поворачиваем головы из стороны в сторону, отбивая свои пятки, как умалишённые. Каждый день по два часа.

В один из промежутков между строевой и зубрёжкой статей в роту зашёл майор Швока, заместитель начальника штаба по идеологической работе, улыбочивый мужик лет тридцати пяти с небрежно зачёсанным на бок чубом. Мы сидели всем карантином на взлётке, пролистая свои тетради.

– Музыканты есть? Кто умеет играть на барабанах? – спросил он, ползая по нашим рядам игривым взглядом.

Что-то в его повадках говорило о разухабистости его души.

Все молчали. Гитаристы помалкивали.

– Я, – ответил я, встав по стойке смирно, сам не ожидая от себя такой инициативы.

– Отлично, – потёр ладони майор. – Комбат поручил мне лично заниматься подготовкой «стукача», будешь барабанить во время репетиции по случаю присяги, так что, сержант Шмельёв, – обратился он к Шмелю, – бери своего архаровца и дуй ка во вторую роту за инструментом.

Шмельёв недовольно встал и я поплёлся за ним в след, явственно ощущая, что, выражаясь по-армейски – «проебался».

Мы поднялись на второй этаж во вторую роту охраны. На входе я отдал воинское приветствие рыжему очкарику, который стоял на тумбе и впервые увидел армейский быт: солдатня, как пленные румыны, расхаживала по задрюпанной казарме, кто-то чистил берцы, кто-то сидел на стуле, подшиваясь.

Вышел прапорщик Станкович, высокий темноволосый мужик в нахлобученной на самую макушку шапке-ушанке.

– О, Владик, явился! – торжественно промолвил он. – А шо раньше не заходил? Соскучился, видать, по папкиным колыбам?

– Товарищ прапорщик, нам барабан нужно взять, Швока приказал, – сказал ему Шмельёв, потирая свою шею.

– Пошёл лесом твой Швока, пусть сам лично приходит и у меня просит.

– Товарищ прапорщик, не проебу, головой ручаюсь!

– Желательно, Шмельёв.

... Падал мокрый снег. Пацаны битый час колотили ногами землю, курсируя по выбитому асфальту плаца. Я стоял около флагаштока и рьяно выбивал бит «трам-тата, трам-тата», едва ли сдерживая приступы нахлынувшей на меня радости.

«Няїржо гэта першая спроба, як быццам бы быць на самым відавоку і пры гэтым зусім нічога не рабіць. Трэба пакінуць сабе нататку і кіравацца такімі метадамі надалей».

Вечером ко мне подошёл Шмельёв, и с восхищением сказал:

– Молодчага паря, хорошо лупишь! А Rammstein сыграешь?

«Ну не дыбильны?»

Поставили в наряд по роте. Сержанты составили список, по которому из каждого взвода назначалось по одному бойцу для несения данного наряда. Чтобы легче освоиться, на тумбочку ставили четверых дневальных. Со второго взвода взяли Гурика, невысокого смуглого паренька, у которого росла обильная щетина, и ему приходилось бриться дважды в день. С третьего взвода к нам на подмогу пришёл Зюбак из Гродно и с четвертого – Индюков. С последним бойцом меня свяжет вся моя последующая служба в армии, точнее её окончание. Тогда я ещё особо не знал ребят и относился к ним с равнодушием, уж очень больно меня раздражали их встревоженные взгляды, а тупые вопросы приводили в уныние.

Мы позавтракали в столовой, вернулись в роту и сразу же принялись зубрить статью обязанностей дневального по роте. Дежурным по роте с нами заступал младший сержант Цыбарин, командир четвертого взвода карантина с третьей роты охраны, или просто Цыба, как называло его большинство сослуживцев. Этому белобрысому крикуну едва-ли перевалило за двадцать, и он с первой минуты стал угрожать нам неминуемой расправой, если мы только хоть в чём-то затупим на разводе. Разводом называлось мероприятие, когда новый заступающий дежурный по части выстраивал бойцов из всех подразделений на плацу, проверял знание обязанностей

и доводил распоряжения на сутки, талдыча о мерах предосторожности и иных бытовых комплексов работ.

На плацу нас выстроили в девять утра, перед этим выдав из оружейки по штык-ножу, которые мы тут же закрепили на туго затянутых ремнях. Дежурный по части, капитан Рунинец, низкорослый и шуплый павлин, деловито расхаживал меж наших рядов и пронзительно вглядывался в каждого. По нему было видно, что он чувствовал себя хозяином положения и, стоило бы кому-нибудь оплошать, тут же бы сжал свою жертву крепкой хваткой питона. Типичный портрет молодого офицера, получившего власть над подчинёнными.

– Ремень подтяни, дембелёк, – женственным голосом обратился он к кому-то в строю. – А у тебя что с шапкой, ты её в сортире полоскал?

Подошедши к нам, он спросил у Цыбы о нашей готовности нести наряд.

– Так точно, товарищ капитан – справятся!

– Ну, смотри мне!

Мне захотелось пнуть этого кэпа, так чтобы он покатился по мокрому плацу ковровой дорожкой и, касаясь лицом земли, облизывал языком грязные лужи асфальта. Наверное, в те минуты у меня зародилась настоящая неприязнь ко всему офицерью; не зря пацаны постарше периодом называли их между собой презрительным словом «шакалы».

– Повезло вам, «слоники», – подходя к роте, сказал нам Цыба. – Так бы точно не спали, спроси он у вас обязанности, Рунинец тот ещё чмырь, ну ничего, посмотрим, как ночью работать будете.

И понеслась наша так называемая служба в роте. Мы стояли на тумбе по полчаса, поочередно сменяя друг друга, отдавая воинское приветствие каждому, кто заходил в роту, отвечали на телефонные звонки, если что не понимали, спрашивали у Цыбы, который всё это время сидел напротив за столом дежурного и делая вид, что пишет что-то в журналах, разгадывал кроссворды. В остальное время мы слонялись по роте, вытирали пыль, мыли раковины – всё, чтобы не сидеть без дела.

После отбоя началось самое весёлое. Нам четверым предстояло подмести и вымыть всю роту, так, словно это было субботнее ПХД.

– Увижу где соринку, заставлю под зубную щётку ёчки пидорасить! – грозно заявил нам Цыба перед началом ответственных работ. Он сидел за тем же столом, пил кофе, толстым слоем намазывая на батон рыбный паштет и рьяно разглагольствовал с дневальным из первой роты, которого каждую ночь приписывали в карантин сидеть на стуле возле оружейной комнаты. Они смотрели по телефону «Камеди клуб» и ржали, как кони.

Мы старались исполнять все указания точно в отведённый срок, чтобы нам разрешили немного поспать. Но мне с Гуриком повезло меньше. Убрав взлётку, бытовую комнату и сушилку, два бойца из третьего и четвёртого взвода отправились спать. Нам с Гуриком осталась душевая и туалет. На камень-ножницы мне выпал туалет.

– Смотри, боец, когда закончишь, на долбанах должен витать лёгкий запах хлорки, немного переборщишь, станешь на кости и не поспишь, – пригрозил мне Цыба.

Я взял ёрш и принялся вычищать грязные, обоссанные ёчки. Где-то в середине процесса, ко мне заглянул дневальный из первой роты. Взгляд его был туманен и отрешён, казалось, он потерял рассудок и говорил долгими, затяжными речами.

– К этому дело нужно подходить неприхотливо и забыть на все прежние предрассудки. Ёрш в твоих руках станет инструментом для тонкой работы, – отливая в ещё необработанную мною парашу, пояснял он.

Его гнусавый голос раздражал. Я четверть часа горбатился над долбаными, очищая их от остатков фекалий, и никак не мог привести всё в надлежащий порядок.

– Так покажи как надо? – с ухмылкой спросил я.

Взгляд его преисполнился гордостью, как будто ему предложили сделать что-то важное и ответственное. Он выхватил ёрш из моей руки и стал резкими движениями елозить им по очку. Я был удивлён его быстротой и сноровкой.

– Всё дело в практике и в хороших учителях, – заключил он.

Вынося с Гуриком в четыре утра бочок мусора на свалку, что своего рода олицетворяло окончание работ, за нами на улицу увязался этот странный дневальный. Он разрешил нам перекурить и всё расспрашивал, откуда мы и как там сейчас на гражданке. В свою очередь нас интересовал вопрос о жизни в роте.

– Будут прописживать, – просто сказал он. – Мне вот «дед» полгода в голову стучал.

Мы с Гуриком взволнованно переглянулись и отправились обратно в роту на два часа заслуженного сна.

В шесть утра нас разбудили дневальные, и до десяти утра мы поочередно сменяли друг друга на тумбе.

Ноги дрожали от усталости, глаза слипались, а до подушки оставалось ещё долгих двенадцать часов.

С начала новой недели, в перерывах между подготовкой к присяге, зубрёжкой статей, и отбиваниями деревянными плашками уголков кроватей, к нам в роту стали захаживать офицеры из всевозможных подразделений.

Нас по одному вызывали во взводную комнату и вели долгие беседы и расспросы.

Меня вызвали одним из первых.

– Проходи, присаживайся, – сказал мне темноволосый капитан, когда я переступил порог помещения.

– Сержантом хочешь быть? – перелистывая моё личное дело, сразу спросил он.

– Так точно, хочу! – ответил я.

– Ну, вот и отлично!

– Разрешите спросить, – поинтересовался я у капитана. – А сержантом, имеется ввиду, в роте охраны?

Капитан заулыбался.

– Да нет, у меня в «автобате». Служба не пыльная, я вижу, ты грамотный, с высшим образованием, учитель к тому же, будешь бойцов в столовую водить, производить построения и прочие мелкие дела по роте, а в свободное время книжки свои почитывать.

Предложение было право заманчивым. Ещё до отправления в войска, я заготовил для себя список литературы, которую обязался прочесть за предстоящий год. Но именно в тот момент я сделал, пожалуй, свою самую роковую ошибку, поддавшись рассказам сержантов о сладкой караульной жизни и возможности часто видеть город, к которому я ранее испытывал определённую неприязнь. Здесь, в этих «совковых» стенах, куда, казалось, не проникал свет цивилизации, я скучал по его движению и шуму, как по девичьему передку.

– Товарищ капитан, я хотел бы попасть в роту охраны, – с некоей гордостью произнёс я.

– Ну, смотри, я два раза не предлагаю, – с насмешкой сказал капитан. – Потом пожалеешь.

– Разрешите идти?!

– Давай.

Как позже оказалось, на моё место взяли меланхоличного Сиченкова и на дембель он ушёл старшиной, и я часто видел его ещё по-первому, вольготно прохлаждавшегося в курилке.

Больше всего по нраву мне были информационные часы проходившие в части по субботам, когда все подразделения собирались в актовом зале базы охраны и заурядные лейтёхи,

и капитаны с майорами вещали нам с трибун о политической и военной обстановке в стране и за рубежом.

Нравились они мне ещё и потому, что можно было подремать в один глаз и не о чём не думать, пропуская столь многозначительные дифирамбы высших чинов, сквозь красные от мороза уши. Но в тот раз возле меня уселся гоповидный Шмель и, примостив на моём плече шапку-ушанку, устало положил на неё свою голову.

В то утро за трибуну взошёл очкастый майор Желудёв с апломбом крайней строгости на остром и нервном лице. Он разложил перед собой свой доклад и деловито-юридическим голосом, стал рассказывать нам об уголовных и административных взысканиях с солдат срочной военной службы. Он рьяно запугивал нас и угрожал лишением свободы, если в нашей части будут происходить неуставные взаимоотношения и заведомо умышленная порча своего организма, сыпал примерами и фамилиями бойцов особо отличившихся в этих постыдствах. Припомнил случаи дезертирства и строго-настрого запрещал кому-либо даже помышлять об этом. Дисбат в нашей стране отменили, посему за злостные нарушения дорожка вела напрямиком в тюрьму.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – поднял руку один из молодчиков карантина, когда Желудёв окончил свой доклад. Ранее я его не видел, но его бледное лицо выражало озадаченность.

Майор утвердительно кивнул.

– Скажите, пожалуйста, являются ли оскорбления в адрес солдата командиром отделения, так называемыми неуставными взаимоотношениями?

По рядам актового зала прокатились злобные смешки и слова, тут же брошенные в его адрес: «шоха», «стукачёрк».

– И как же тебя обзывают, солдат? – с иронией спросил майор.

– Ну, например, имбецил, затуп, зятянутый. Ведь, являясь человеком, получившим высшее образование, я могу оспорить эти ложные замечания, тем более, когда они исходят от человека, окончившего ПТУ.

– Это армия, солдат, и командир твоего взвода для выполнения поставленной задачи, обязан прибегать к различным методам и командам, конечно, не нарушающим уставные взаимоотношения, чтобы довести приказ до исполнения. А тебе не пять лет и ты не барышня, чтобы краснеть и обижаться в таких ситуациях, – ответил ему майор.

– Может, ты ещё и фамилию сержанта назовёшь, печальный?! – сказал кто-то и по всему залу прокатился громкий хохот, который вместе со всеми поддержал и я, настолько противно мне было слышать эти жалкие излияния его никчёмной сущности.

Солдат обиженно сел на место, а Шмель, повернувшись в его сторону, провёл пальцем по горлу.

Не знаю от куда в армии пошла эта педерастическая мода ходить по расположению нагим, или это было только в нашей части, но сержанты, практически поголовно, после принятия душа, расхаживали в чём мать родила, не удосужившись прикрывать срамоту полотенцем и одевались, лишь остывши.

После вечерней пайки в казарме во всю включали музыку и, подпевая русскоязычным поп-хитам, командиры взводов весело пританцовывали под эти незамысловатые ритмы. Особенно выделялся среди всех прочих Шмель, бесстыдно дрыгая в такт мелодии своими обри-тыми яйцами.

Мы сидели с Сиченковым, подшиваясь на стуле вдоль взлётки и удивлялись, как можно слушать такую ересь.

– Я никогда не понимал, как пацаны вообще слушают подобное, – говорил я. – Ну, казалось, бы, сильный пол, должны тяжеляк уважать.

– Да ты посмотри на этих примитивных гопников, они просто не имеют вкуса, – отвечал мне Сиченков.

Шмель жаловал одну гнусную песню с женским вокалом, мелодия с ритмом «тыц-тыц», словно кто-то включил на сельской дискотеке старый магнитофон. Как только песня звучала из колонок, Шмель подавал команду:

– Тусим!

При этом следовало подорваться с места, выйти на середину взлётки и начать танцевать. Кто как умел.

– Это, «слоно́та», команда не ебёт?! – поддерживал Шмеля Кесарчук.

Весь карантин нехотя поднимался со своих мест и принимался отплясывать. Мы с Сиченковым пританцовывали около своих стульев. Поначалу это напрягало, но в итоге, когда видишь всю эту лысую массу в одинаковых каликах и чёрных мыльницах на ногах, разбирает смех и всем становится весело.

– Активнее шевелим заготовками! – прохаживал между нами Шмель.

По вечерам к нам в распоряжение всё чаще стали захаживать пацаны из других рот. На время карантина первая рота переехала на второй этаж ко второй и третьей ротам.

Они скосу поглядывали на нас и ехидно ухмылялись.

Некоторые, видимо, из числа сержантов приходили голышом, держа в руках полотенце и мыльно-рыльные принадлежности.

В душевой чистя зубы, я заприметил высоко баскетболиста из первой роты младшего сержанта Заквасника. Взгляд упал на его свисающий бол. Я бы даже сказал конский елдак.

«Чаму б і не хадзіць з такім прычындалам усім на паказ?»

Посмотрел на себя в зеркало, и в голову пришла странная мысль.

На кровати сидит Даша с босыми ногами и игриво улыбается. Со стороны появляется этот Заквасников. Даша отодвигается вглубь койки и раздвигает ноги. Заквас становится коленями на кровать и плавно входит в неё сверху. Я вижу только его задницу, мощную и мускулистую, шлёпающую по её бёдрам.

«Цікава, а што яна зараз робіць? Няўжо коўзаецца з кімсьці на ложку? А калі і так, што мне да гэтага?»

Девушки у меня не было, но мысли о том, что Дашу кто-то окучивал, привели в бешенство. Поток неслыханной ревности сдавил виски.

«Хопіць! Трэба спыніцца! Так і з глузду можна з'ехаць. Яна мне нішто. Проста знаёмая. І чым раней я гэта зразумею, тым лепш. Там мяне ніхто не чакае. І так будзе лягчэй».

А перед глазами всё стояла огромная шняга Закваса и игривая улыбка Даши.

Я вышел из туалета и увидел столпившуюся на взлётке сержантскую братию. Подошёл ближе.

Командир второго взвода старший сержант Янков, по совместительству «дедушка» из первой роты охраны боролся с Кесарем. Дружески, но мне было приятно понаблюдать, как юркий сержантик мотал эту долговязую выскочку по всему полу. Говаривали, что он каратист. Кесарчук пытался выпутаться из крепких захватов Янкова, тужился, лицо его покраснело, а шрам стал багровым. Янков скрутил Кесарчука в бараний рог, а потом резко отбросил в сторону.

– Свободен, сынок.

Хотелось подбежать и добавить. Признаться, нам давно опостылел этот зарвавшийся малолетка.

За пятнадцать минут до вечерней поверкой сидим на взлётке друг за другом возле телевизора. На стене над экраном висит герб и флаг РБ. По телевизору Первый национальный канал. Новости. Дикторша говорит об успехах на селе. Потом Лукашенко на каком-то селекторном совещании. И так каждый вечер.

Но со временем это перестаёт раздражать. Набегавшись за день и задушив себе голову всем этим армейским однообразием, новости и живые люди на экране, там, вдали от нас на гражданке, действуют настоящим бальзамом на душу.

Вскоре нас повезли на первый полигон. Выдали необходимую амуницию и автомат, сводили на завтрак в столовую и выстроили возле казармы.

Падал мокрый снег. Зима шла уже вторую неделю, а мне казалось, будто она была всегда, всегда был этот мерзкий холод, узкие калики жали яйца, всегда мёрзли кончики пальцев на ногах, и хотелось спать.

Стоя в колонне и дыша в шею Гурскому, почему-то захотелось послушать Фрэнка Синатру, выпить глинтвейна или хотя бы на минуту заглянуть к себе домой.

Майор Швока ходил между нашими рядами и снимал всё на камеру.

– Кто проебёт автомат – сядет в тюрьму, – сказал он и разошёлся идиотским смехом.

Потом нас погрузили в автобус и битый час мы тряслись в его кабине до места назначения, благо удалось немного подремать.

Потом стрельба со стометровки, я даже попал один раз в цель, метание учебных гранат, переодевание в «химзу» с противогазом, нас травят непонятным красным дымом, и мы ходим по кругу, как зачарованные. Далее в лесу устраиваем войнушку друг с другом, перекатываясь по сугробам с боку на бок, группируемся в позициях, и всё это снимает майор Швока, комментируя что нам делать и как падать.

В конце концов мы усаживаемся на еловые ветки в специально сделанных для нас землянках, курим, пьём горячий чай, закусывая сухарями, на которых толстым слоем намазана телячья тушёнка.

– А теперь машем заготовками, – говорит Швока, снимая наши тела с разных ракурсов, – пусть родители видят, какие у них защитники повзростали, да, вот так, и улыбаемся, я сказал, улыбаемся во все тридцать два!

«Паказуха, паусюль адна паказуха, прыхаваная за пластам агульнай прыгнечанасці і незяздольнасці войска, якое можна разбіць за суткі, хаця што там, палова напросту дызертупе і я буду адным з першых».

Сон – самое сладкое, самое приятное ощущение в этих захиревших и бездушных стенах, пусть себе даже и на узкой скрипящей койке, под колючим войлочным одеялом, но всё же моей спине и ногам необходим отдых.

Где-то около полуночи я почувствовал, как возле моей койки начались странные шевеления. Сквозь сон я услышал: «Малой, подвинься!» – и машинально, не осознавая, обращались ко мне, либо к кому-то другому, перекатился на левый бок и тут же на край моей койки уселись три наглые задницы.

Нос моментально уловил ароматы копчёной колбасы, свежих овощей и по шипению открытого напитка я понял, что у меня за спиной собирались употреблять алкоголь.

– Серёга, – сказал один из нарушителей моего спокойствия, – ты стаканы взял?

– Ясен хуй! – ответил Кесарчук.

– Разливай по кругу, – послышался голос Шмеля.

Потом сержанты принялись вкушать нормальную домашнюю пищу, запивая её водкой.

Сперва они перешёптывались, но по мере опьянения голоса их становились развязнее и громче. Сон, конечно, был подорван, но осознав, что никакого вреда мне никто причинять не собирается, я стал понемногу успокаиваться.

Заснуть мне удалось, лишь, когда сержанты окончательно подпив, стали делиться своим сексуальным опытом. Больше всех ностальгировал старший сержант Янков.

– А я у себя в деревне дурковал будь здоров. Однажды мы с челом распечатали одну малыху на двоих. Она, как оказалось, была девственницей, а мой дружбан типа за ней ухаживал, встречался, в клуб там вместе ходили. Короче он мне говорит как-то, что можно попробовать одну штуку учудить. И вот, повёл он ночью подругу свою на сеновал, а я неподалёку от туда спрятался. Полчаса он её там мусолил, а как нагрел, сказал, мол, сейчас выйдет покурить и вернётся продолжить. А темень там внутри, ни халеры не видно, он вышел, постоял со мной, покурил, ну я вместо него и зашёл. Она и сейчас не знает, что её двое оприходовали.

Сержанты истерично заржали, я же предался забвению с отвратительным чувством прищущего мне брезгливого мещанства.

К концу недели весь карантин высадили на взлётке. Пришёл командир роты вновь прибывшего пополнения майор Качан, лысеющий мужик лет сорока с добрым отеческим лицом и с листика стал зачитывать наши фамилии, и подразделения, в которые нас уже расформировали. Пацаны волновались, всем хотелось удачно пристроиться на предстоящие полтора года, лишь один я особо не задумывался о своей дальнейшей судьбе, зная наверняка, что попаду в охрану.

Многих из нашего взвода зачислили в «автобат», рем. роту и ППУ. Когда стали зачитывать списки охраны, все наострили уши. Я попал во вторую роту. Вместе со мной Нехайчик, Гурский и коротышка Мукамолов, а так же Индюков, с которым мы вместе стояли на тумбочке, остальных я не знал и с виду они показались мне весьма непримечательными персонами. Настораживало лишь то, что сержанствовали во второй роте Шмель и Кесарчук, однако в тот момент я подумал, что это будет нам только на руку, они уже нас знали, и, вероятно, замолвят про нас доброе словечко в роте.

Потом Качан выстроил нас на взлётке и разразился патриотическим спичем. Его слова пестрели тёплой заботой, и я подумал, что он единственный вменяемый офицер, который считает своим долгом, с уважение относится к каждому бойцу.

– Если у кого в роте возникнут проблемы, заболит там ножка, спинка – сразу обращайтесь ко мне. Ребята, сейчас в вашей жизни начинается серьёзный этап становления личности, и время покажет, кто есть кто. Вашей задачей, в первую очередь, остаётся с долгом служить Родине и оставаться человеком, чтобы не произошло. Я вижу перед собой лица мужчин, крепких и надёжных товарищей, готовых в любую секунду прийти на помощь друг к другу. Завтра состоится ваша присяга, вы поклянётесь на верность своему Отечеству, и назад дороги уже не будет.

Он расхаживал по взлётке. Мы стояли, молча внимая его речам. Не знаю, кто о чём думал в то мгновение. Мне хотелось закрыть глаза, мысленно уложить на койку деваху с плотными ляжками и показать ей свою силу, чтобы она, сперва, игриво усмехалась, а потом просила остановиться. Нет, умоляла прекратить сию же минуту.

– Вопросы есть? – спросил майор Качан.

– Ни как нет! – громко ответила рота карантина.

А я почувствовал, как по моим каликам поползла струя тёплой и липкой влаги.

18 декабря 2011г. состоялась моя присяга. Снег растаял и моросил мелкий дождь. Мы уже около получаса стояли на плацу, крепко сжимая в руках автоматы. Вдоль трибуны выставили заграждения, за которыми начинали скапливаться родственники новобранцев, прибывшие со всех уголков нашей синеокой. Я увидел лица своих родителей, и от чего-то мне стало грустно, не потому что в их взглядах читалась тревога, скорее, потому что они увидели меня в этой нелепой униформе, увидели своего мальчика с оружием наперевес, готового, если прикажут, ринуться в бой и тут же сложить голову на поле брани.

Прозвучал гимн Советской Беларуси в исполнении армейского оркестра и с трибуны посыпались громогласные речи верховного руководства нашей базы. Командир части полковник Бегунков пожелал нам достойно отслужить свой срок, седой ветеран напомнил, как на фронтах сражались наши деды, не жалея капли крови. А я уже жалел времени, которое терял в этом месте, жалел свои ноги, мёрзнувшие в неудобных «колодках», жалел родителей, мокнувших под дождём и всех ребят, в ожидании будущих испытаний, покусывая пересохшие губы.

Потом напротив каждой из «коробок» поставили столы, накрытые красной скатертью. Я стоял во второй «коробке», вторым в первой шеренге. К столам подошли командиры наших взводов и положили на скатерть папки с текстом присяги.

Подходили к столам по одному, брали в руки папку, разворачивались лицом к товарищам по несчастью и выкрикивали им слова торжественной клятвы. Я присягнул стране, зачитывая текст по-белорусски, в папке присяга была представлена на двух языках.

В конце нас окропили святой водицей и, батюшка, проходя мимо наших рядов, видимо, переборщив с порцией, угодил кому-то в глаза.

– Сука, прямо по ебалу! – раздался раздосадованный голос неизвестного и по «коробкам» прокатились тихие смешки.

В целом, всё прошло без эксцессов.

В двенадцать пополудни мы сдали автоматы в оружейную комнату и нас отпустили по домам строго до шести вечера.

Дома я первым делом принял горячую ванную и включил на своём компьютере любимую музыку. Отобедал за столом мамиными блюдами, лёг в своей комнате немного подремать.

Позже родители расспрашивали меня о службе, а я пытался их успокоить, говоря, что армия – это, как пионерский лагерь, только в военной форме. Отец интересовался дедовщиной.

– В белорусской армии её просто не бывает, это в Рашке страхи по телевизору показывают, вы лучше книги за меня читайте, а то у меня времени пока нет...

Мама немного повеселела, отец задумчиво молчал.

Выезжая в часть, для меня собрали большой пакет сладостей и домашних харчей. Возвращаться совершенно не хотелось. Я вспомнил, как покидал свою квартиру месяц назад, перед глазами стояла дымка неизвестности. Теперь же, напротив, я знал, что меня ожидает или, по крайней мере, догадывался.

Сел в метро, оттуда пешком до КПП.

Прибыл к месту за десять минут до окончания установленного времён, и бегом бросился в санчасть. Отметился у дежурного врача, подышал ему в трубку. Потом в штаб к дежурному по части, набегу рассыпая конфеты, с едва ли не лопающегося от жратвы пакета.

После вечерней пайки мы всем карантинном расселись в линейке, разложив на столах обилие привезённых угощений, как правила это были сладости и напитки. Наши животы были набиты до отказа, но мы не прекращали запихивать в себя всё съестное, словно жили в последний раз и завтра должен был случиться конец света.

Закончив со сладостями, все излишки, а провизии там оставалось ещё на неделю, мы раздали своим сержантам, которые тут же растянули харчи по своим ротам, надёжно спрятав и укомплектовав запасы в каптёрках.

Уже после отбоя я лежал на своей койке, тяжело дыша, и улыбался самому себе.

– Всё, пацаны, теперь вы официально «слоны», присягу приняли, так что готовьтесь получать люлей, – говорил нам Шмель, пожёвывая за щекой шоколадную конфету.

В ту ночь нам дали спуску. Я мог протянуть руку вверх и почувствовать, как между коек пролетали конфеты и пряники. Солдаты вели натуральный обмен.

– Мука?

– Чё?

– Конфету будешь?

– Давай.

– А мне?

– Лови халву!

Чуть позже мы устроили настоящий метеоритный град из сладостей. Пацаны швыряли друг в друга всё, что осталось. Я зарядил в глаз Иванову пряником и он, рассыпавшись на мелкие кусочки, разлетелся по всему полу.

Сержанты уснули даже раньше нашего. Это было настоящим затишьем перед бурей.

Вторая рота охраны

Утром нас вывели на плац, построили весь карантин в одну колонну и стали зачитывать фамилии. Началось наше официальное расформирование по подразделениям.

С грустью в глазах я наблюдал, как по одному из колонны выходили ребята, с которыми я целый месяц продубасил в одной казарме, шутил, слушал их бестолковые разговоры, предавался воспоминаниям и просто прожигал свои дни. Единственным утешением было лишь то, что служить мне оставалось одиннадцать месяцев.

Вторую роту укомплектовали последней. Сержанты Шмелёв и Кесарчук построили в три шеренги четырнадцать оставшихся на плацу бойцов, и повели нас в новое расположение. Как я уже упоминал, вторая рота находилась в том же корпусе, только на втором этаже. Поднимаясь по ступенькам, меня по-настоящему охватил приступ тревоги. Вот оно – переступить порог, и начнётся настоящая служба. Это беспокоило.

Мы зашли в роту и очкастый дневальный тут же рявкнул:

– Дежурный по роте на выход!

Переступая порог, каждый из нас откозырял очкарику воинское приветствие, и сержанты быстро построили наш молодой отряд вдоль взлётки напротив оружейной комнаты. Я бегло осмотрел местность. Все напоминало помещение «карантина», только было более убогим и серым. Ремонт, видимо, остановился на первом этаже для начальства и всевозможных проверок. Расположение было безлюдным, и в воздухе витал запах хлорки.

Шмель подскочил к канцелярии, дважды постучал в дверь и, слегка приоткрыв её, вытянулся по струнке, приставив руку к головному убору:

– Товарищ капитан, вновь прибывшее пополнение по вашему приказу построено!

В помещении канцелярии стояла тишина, Шмель быстро отпрянул в сторону и некоторое мгновение мы все в молчании ожидали появления нашего командира.

Через минуту оттуда показался голый по пояс грузный дядька наперевес с баннным полотенцем, вытирая им мокрую шею и плечи. Это был среднего роста мужик со светлыми волосами и непропорционально непривлекательными чертами лица. При виде нас, его гримаса расплылась в улыбке, исказившись ещё пуще прежнего в подобие некоего гоблинского оскала: надбровные дуги съехали к глазницам, кривой нос ещё больше завернуло в сторону, а вместо рта, казалось, образовалось чёрная дыра. Он прошёлся около нас, с любопытством взирая в наши растерянные лица, и тут же спросил у Шмеля:

– Ну как, Влад, есть достойные бойцы?

– Так точно, товарищ капитан, имеются!

– Это хорошо, во второй роте плохих не бывает. Правильно, Лакусь? – неожиданно крикнул он в сторону дневального. – Ну ка выпрямись там, вафля! Зайдёшь потом ко мне.

Мне тут же стал неприятен этот персонаж с его нарочитой заносчивостью и паханскими замашками.

– А пока, Владик и Серёжка, смелее, заходите ко мне на пару слов, давно вас не видывал, – потирая правый кулак ладонью, сказал сержантам капитан.

Как только двери за Кесарчуком закрылись, мне захотелось сплунуть и громко выругаться.

– Чё стали, «слоны», рысью в располагу, кровати отбивать, – послышался чей-то сонный голос и только тогда я заметил возле оружейной комнаты невысокого ефрейтора с табличкой на нагрудном кармане кителя «Дежурный по роте». Чего уж там, приказы старшего по званию следовало выполнять, и мы разошлись по расположению.

Здесь следует оставить детальное описание вместилища, в котором я застряну на долгий год, целиком вычеркнутый из моей жизни.

Вторая рота охраны была широкой казармой, по обе стороны которой стояло три ряда коек по шесть в каждом, застеленные синими покрывалами. Подле каждой койки тумбочки. С одной стороны окна казармы выходили на склады базы, с другой, на маленький плац; в конце казармы находился тренажёрный уголок и телевизор с DVD, над которым возвышался государственный герб со словами гимна. Далее вход без дверей в третью роту охраны, копирующую расположение второй. Над выходом из роты я увидел, высеченную на большой доске надпись: «Честь второй роты – моя честь». По обеим сторонам выхода размещались две комнаты взводников. Взлётка светло-коричневого цвета тянулась от выхода к входу. Перед входом в роту со стороны дневального, чуть поодаль от его располагалась линейка, рядом через взлётку от тумбочки дневального с проводным телефоном стоял стол дежурного по роте, а за ним оружейная комната с тяжёлыми железными дверями, окрашенными в уже выцветшую жёлтую краску. К слову, там хранился весь оружейный запас всех трёх рот. Рядом с оружейной – канцелярия командира роты. За тумбочкой вдоль по взлётке стояло два шкафа с вешалками для бушлатов, полками для противогазов и отделения под хранение котелков и касок. За шкафами по левую сторону был вход в бытовую комнату, где солдаты могли остричься, отутюжить форму и привести её в надлежащий порядок, сразу из бытовки вход в сушилку. По правую сторону от взлётки вход в душевую и туалет. Заканчивалась взлётка, упираясь в окно, выходящее на одноэтажные строения хозяйственных складов или «холодных», как их часто называли в быту. Возле окна дверь в каптёрку – всё по-савковому: скромно и без излишеств.

Я рассматривал всю эту убогость и заскорузлость, старательно отбивая давно уже отбитые кровати, разглаживал плашками покрывала, ровнял дужки кроватей.

Тесно. Толкаемся и топчемся на месте, создавая видимость работы.

Как оказалось, вторая рота охраны в наш первый день вхождения в её нетленные ряды отбыла в караул, что объясняло тишину и спокойствие в этих стенах, а, значит, нам ещё предстояли одни более или менее спокойные сутки.

После обеденной пайки и до самого ужина мы подшивали бирки со своими фамилиями на личных противогасах, «химзе», получили недельную порцию мыла, туалетной бумаги, свежих полотенец и портянок.

Перед отбоем, построившись на взлётке, командир роты снова внимательно вглядывался своим кривым забралом в наши физиономии.

– С завтрашнего дня у вас начнётся настоящая служба. Поэтому не стесняемся спрашивать у старших по периоду, что здесь, да как, они вам всё объяснят, помогут, а не поймёте, смело обращайтесь ко мне и к другим офицерам, завтра со всеми познакомитесь, – сказал прямо, как «бабушка божий одуванчик» командир роты, потом выпрямился и промолвил: – До свиданья, товарищи.

– До свиданья, товарищ капитан! – срывая свои глотки, хором выкрикнули мы и отправились спать.

Ночью я слышал, как Гурский интересовался у Шмеля:

– А этот капитан, он как, нормальный?

– Кто, Верелёнок? Мы его Верой называем. Ну, сам посуди, он нас, как к себе в канцелярию позвал, сразу на кости с Кесарем поставил и пару раз с ноги по рёбрам для уверенности съездил. Мол, прохладжались мы в карантине, растащило меня под дембель не по-детски. В других ротах «деды» чисто на забитом, а наш контуженный рвёт и мечет. Танкист, оно сразу видно.

Я лежал на спине, подтянув одеяло к подбородку и думал:

«Няўжо я аступлюся перад гэтымі выправаваннямі, няўжо рэчаіснаць зменіць мяне да непазнавальнасці, няўжо хтосьці прымуціць мяне баяцца?»

Я памятаю, як хваляваўся, калі ўпершыню ў школе біўся раз на раз з хлопцам старэйшым за мяне на год, як ужо ў старэйшых класах валтузіўся за сваю школу супраць суседняй

варожај гімназіі прама на стадыёне, як потым ва ўніверсітэце пад інтэрнатам удзельнічаў у лютай бойцы з туркменамі і аднаго з нашых парэзали нажом, і дэкан хацеў было адлічыць усіх удзельнікаў з апошняга пятага курса без спробы залічэння. І што, жывы. Вось ён я. Няўжо гэтае пякельная быдла і неадудкаваная гапата змуціць мяне здацца? Не!»

Глядя в потолок, я пытался заснуть, даже не подозревая, что эта была наша самая спокойная ночь в казарме второй роты за предстоящие полгода.

К десяти утра в роту с нарядов по караулу, ГРУ и «стелсу» стала прибывать остальная часть второй роты охраны. Мы делали вид, что наводим порядок, подметаем взлётку, протираем пыль, отбиваем кровати. Я видел, как на нас посматривала вся эта заполнившая расположение солдатня, эти странные ухмылки, словно мы некое лакомое яство, которое они ожидали весьма продолжительный период и вот, настало время и огромный кремовый торт внесли на серебряном блюде.

– Первый период, сбор в линейке! – кричит с тумбы очкастый дневальный и мы послушно заходим в эту уютную комнату, рассаживаемся за парты, а под моей ложечкой тревожно сосёт волнение.

«Вось яно, пачалося»

Через несколько минут к нам в линейку заваливает человек двадцать краснощёких рыл, из которых я узнаю только младшего сержанта Кесарчука.

– Да не ссыте, пацаны, – усаживаясь за парту по центру, говорит нам круглолицый и широкоплечий сержант с добрым лицом, подле него садится Кесарчук, остальные окружают их со всех сторон. – Мы вам не «дедушки», мы для вас «фазаны», т.е. второй период, – поясняет он. – Меня зовут Потапенко Рома, и по всем вопросам можете спокойно обращаться ко мне и ко всем, кто находится в этой комнате. «Дедам» лучше вообще ничего не говорите и ничего у них не спрашивайте. Такие у нас тут суровые правила. Серёгу вы знаете, ещё у нас есть один младший сержант Юра Гнилько.

Я увидел накаченного малого с маленькими глазками и детским лицом.

– Наши ефрейтора Вильков или Виля, Тавстуй, Ракута, Едловец и Мирошин, можете называть его Мироном, он не против.

Виля был высоким и коренастым парнем и, как я сразу заметил, весьма смахивал на американского актёра Мэттью Лилларда, ему бы ещё покрасить волосы в синий цвет, как в «Панк из Солт-Лейк-Сити», и тогда бы вообще было не отличить от оригинала. Тавстуй – светловолосый и улыбочивый паренёк, постоянно сыпал остротами, Ракута был лопухим губопшлёпом, всегда с удивлённым взглядом, Едловец ничем примечательным не выделялся, разве что большими залысынами. Мирон был худощавым и бледным каптёром.

– Остальные – обычные рядовые, как и вы, но обязанности у них будут другие, они своё уже отслужили, так что теперь бразды правления принимать вам.

Я увидел коренастого Пушкаревича или Пушку, высоченного метра в два и тонкого, как тросточка Воробьёв, с ним рядом стоял краснощёкий Ветраш и щекастый Коряго, увидел самого низкого по росту среди всех нас чернявого Цитрусова, все называли его Цыца. За ними стоял широкоскулый и женоподобный Дубков. Далее Сверчёк, сутулый Анеенко, между своими просто Аня, пучеглазый Ромашев и канцеляр Дьяченко.

– Ещё один наш сейчас стоит на тумбе, звать Лакусъ – лох лохом, можете на него вообще забить.

– На счёт правил, – сказал Кесарчук. – Здесь вам не карантин, всё на много сложнее. За любой ваш косяк получать по шапке будем мы, ну а с вас спрос уже вдвойне. Запомните первое, вы – «слоны» и это значит, что все приказы и указания должны выполняться вами беспрекословно, без раздумий и в срок. Второе, как сказал Потап, к «дедам» даже не подходите

и ничего у них не спрашиваете. Ну и третье, у вас здесь нет никаких прав, и вокруг одни ограничения. Например, чтобы покурить, интересуетесь у «дедов», они решают можно или нет. Запоминайте их лица, если кто-то из них попросит сигарету, сразу же даём, если нет, тут же ищем и не ниже «Винстона». Если сигару не находите, «деды» стреляют у нас, а это уже косяк, короче говоря, всё что просят «деды», нужно находить за минуту. Бегайте, ищите где хотите, мне всё равно, теперь вы «волшебники». В душе мыться запрещено, только в умывальниках, сидеть на стуле – такая же хуйня, смотреться в зеркало нельзя, тупиться и собираться больше трёх тоже. Ну и остальное узнаете в процессе.

– Кесарь, чё ты их так сразу грузишь? – перебил его Потап. – Не бойсь, братва, прорвёмся! Вам-то всего месяц потерпеть придётся, «деды» уходят 13 января, а потом мы все вместе нормально заживём. А пока вам неделя на раступку. Так что включайтесь в процесс.

– Месяц это не год, – предался воспоминаниям ефрейтор Ракута, – мы целых девять месяцев страдали, так что вам ещё повезло.

– Таска, – прогундосил Тавстуй.

– Да, а «деды» ваши вообще не о чём, – сказал ефрейтор Едловец. – Они не дружные, друг друга гандонят, крысятничают, ну сами короче скоро увидите.

– Наш период на много сплочённее, – пояснил ефрейтор Мирошин.

– Так что старайтесь держаться нас и поменьше косячьте, остальное придёт с опытом, – сказал Патапенко.

Мы жевали полученную нами информацию, и с каждым словом я осознавал, в какую попал задницу. Никто ничего не переспрашивал, мы помалкивали, как гниды, а, значит, соглашались и подписывались под каждым услышанным словом, толи от страха, толи от смущения перед незнакомой ситуацией.

Дверь открылась нараспашку, и в линейку вошёл прапорщик Станкович.

– А шо это у вас тут за сборы?

– Встать! – громко скомандовал Потапенко, и мы живо подорвались с места. – Да вот, товарищ прапорщик, проводим информационную беседу.

Станкович ласково взял сержанта за ухо и, глядя на нас, сказал:

– Не надо тут ничего проводить, я им вечером сам расскажу, кто он и что он. Разойтись.

После ознакомительного экскурса все сменившиеся с наряда бойцы отправились умываться, а потом спать на два положенных часа. Потапенко сказал нам учить устав и серьёзно готовиться к допуску в караул.

– Вы поймите, пацаны, – стоял он перед нами в одних каликах, – караул, это определённая свобода, вид на город, а те, кто не пройдут аттестацию, будут чахнуть здесь в роте, всегда на стрёме, «шакалы» ползаю туда-сюда, Вера тут этот тем более.

Мы послушались объективных нравоучений, похватили уставы и засели на два часа в линейке.

Нас было пятнадцать человек. Мы сидели, кто, уткнувшись в устав, кто, делая вид, что читает. Гурский вертелся на стуле и пытался что-то сострить. Мукамолов чесал макушку. Вместе с Гурским, как, оказалось, сидел его одноклассник и друг детства Паша Индюков, коренастый светловолосый молчун с надутыми губами. С Мукой сидел Чучвага, парень из Гродно, с большими коровьими глазами и гнусавым голосом. Позже я узнал, что у него не дышит одна ноздря, тело его было рыхлым, но как утверждали все вокруг, за полгода в армии можно похудеть на тридцать килограмм. Я сел с Нехайчиком, с которым почти не общался в карантине, но в то время сидеть со знакомым человеком, было уютнее. За нами разместились Гораев, тренер по футболу, мой ровесник, закончивший в своё время БГУФК, спокойный малый с кротким лицом и уравновешенным характером, родом из Бобруйска. Подле него могилевчанин Андрей Ратьков, весьма улыбчивый и слащавый парнишка с красивыми, видно, мамиными глазами. Далее сидел Лесович, приехавший служить в столицу из Баранович, младше меня

на год, по специальности машинист поездов, с ним примостился Ранко из Гродно, с вечно открытым ртом, то ли от удивления, то ли от слабоумия, встретить такого на гражданке, тут же бы подумал, что чел упоролся добротными шишками. За Гурским и Индюковым сидели Игнатюк и Сташевский. Первый высокий глист со сгнившими от курева передними зубами, хотя парню не было и двадцати лет, родом из Бреста, второй, ярая противоположность – здоровая перекаченная рама, ростом полтора метра с чёрными, как смола глазами; его постоянно трясло, то рука дёрнется, то грудь вздыбится, говорил он быстро, броско и совершенно неразборчиво. А за ними два очкарика Раткевич и Напалюк. Раткевич был взбитым юношей в оправе толстых линз и чем-то напоминал советского физика-ядерщика, Напалюк был самым высоким из нас бесформенным дрыщём. Позади всех сидел одинокий смуглый Захарчук с лицом сонного хипстера. В роте я оказался единственным минчанином и готовился ожидать всевозможных подвохов.

– Я со Шмелём ещё с карантина скорешился, так что буду в масле плавать и мне эти порядки ни к чему! – хвастаясь, заявил нам Гурский.

– Подсосник ты, Вова, – сказал ему Чучвага. – Надо с пацанами вместе держаться. Лично я решил пока оставаться в стороне.

Два часа пролетело быстро, я выучил ещё несколько статей, и дневальный Лакусь своим омерзительным голосом поднял отдыхающих солдат.

Мы быстро надели свои бушлаты и выстроились перед казармой в три ряда. Остальные выходили из роты не спеша, по одному и группами, на ходу застёгивая ремни и заправляя свои бушлаты. Как только вторая рота построилась, из дверей казармы вышел прапорщик Станкович вместе с сержантом Кулаковым и ефрейтором Замковичем, оба были нашими «дедами», оба низкорослые и с крестьянскими лицами. У Кулакова был шнобелевидный нос, у Замковича тонкие поджатые губы. Остальные «деды» встали позади колонны. Я успел разглядеть каждого, тут понять было не сложно, у всех были приспущены ремни, причём, стянуты вниз бушлатов, так что его края напоминали мини-юбку, шапки-ушанки закинута на затылок и доведены до состояния полугодовой нестиранности. Среди них я разглядел рыжеволосого рядового Макарова с лисьим лицом, сержанта Рондикова или Ронда, низкорослого и уже с залысинами, прыщавого ефрейтора Крюгера, криволицего рядового Кайдана, бледного музыканта Помидорчика, качка Полустана, ефрейтора Бороду, жилистого с благородным лицом недобитого белогвардейца, ему не хватало ещё белёсых редких усиков. И под громкие команды наша рота направилась к «стелсу».

Возле штаба Кулаков скомандовал «песню запевать» и наш период, остальные уже помалкивали, ибо по сроку службы не положено, не хуже Кабзона затянули песню «День Победы». Под команду «прямо» и, маршируя строевым эти несколько десятков метров, нам приходилось отдуваться за всех. «Деда» давно не маршировали, «фазаны» только некоторые поднимали ноги, поэтому чтобы было слышно, что идёт вся рота, мы колотили ногами по асфальту со всей дури, опуская свои почки к самым пяткам.

– Сойдёт, – сказал Кулаков возле ступенек столовой. – Курить разрешаю.

В столовой мы заранее поставили одного из наших на бушлаты, и встали в три шеренги. Первыми заходили «дедушки», потом «фазаны», ну а мы, «слоны», замыкали всю процессию.

– Смотрите, ребзя, ложками быстрее хлебайте, как только последний «дедушка» встанет, приём пищи ваш будет окончен, – сказал нам кто-то из «фазанов».

Чучвага тяжело вздохнул, Сташевский затряс грудью, а все остальные смирились, лезть на рожон в первый же день никому не хотелось.

Но к нашему удивлению первая ротная пайка оказалась не такой и сверхскоростной. Мы сели за столы, когда уже некоторые из «дедушек» стали подниматься, однако нас никто не подорвал, мы успели доесть паёк и мирно выйти на улицу.

Первый косяк произошёл именно там.

– Кокарду украли! – завопил гнилозубый Игнатюк и заметался по нашим рядам. – Пацаны, может, упала где? Не видали?

Кокарды нигде не оказалось.

– Запомни, малый, – сказал ему Мирон. – В армии не пиздится, в армии проёбывается, и ты свою кокарду проебал.

– Сташевский, сука, ты последний на бушлатах стоял! – крикнул ему Игнатюк.

– Ко мне никто не подходил! – скороговоркой выстрелил тот.

– Шо такое, военный?! – улыбаясь, обратился к Игнатюку прапор.

– Кокарду украли, товарищ прапорщик!

– Не дрыстай тут хайлом, зайдёшь потом ко мне в каптёрку.

И мы отправились обратно в роту.

Перед казармой нам разрешили перекурить, правда, пришлось делиться куревом с «дедушками», даже те, кто не курил, держали при себе соответствующие марки хороших и средних сигарет, угощая любого старожилу из роты.

В тот день я узнал, что такое колыбаха и сколько стоит утерянная кокарда.

– Прапор наш дикий мужик, – сказал нам позже Игнатюк, потирая красный затылок. – В каптёрке своей здоровенной лапищей отвесил мне по шее с десяток колыбах, а новую кокарду пришлось купить за десять тон.

С того дня каждый раз перед пайкой я снимал свою кокарду и клал её себе в карман.

После ужина в роте началась дембельская феерия. Мы носились по расположению, как угорелые, то подавая «дедам» шампунь, то полотенца, кому-то даже доверили подшивать подворотничок, я помогал Кайдану подбривать его кантик. О то всюду летела брань и команды «ускориться». Казарму наполнили звуки шарканья наших тапочек-мыльниц. Я вспотел не на шутку, едва успев побриться и почистить зубы. Подшивались уже возле телевизора, внимая речам президента о стабильности и благополучии в стране.

Перед отбоем прапорщик Станкович обратился к нашим «дедам»:

– Тока давайте сегодня без фанатизма, а то в прошлый раз пару дембелят уехали со мной в «уазике» на кичман.

– Товарищ прапорщик, я ждал эту ночь целый год, – радостно заявил Виля.

– Нормально всё будет, мы на фишку двоих поставим, – сказал Рондик.

– Ну, смотрите, не подведите папку.

Я лёг в свою койку. Рядом со мной расположился рыхлый Чучвага. Он долго вертелся и недовольно посапывал, жалуясь на колючее покрывало. По взлётке прошёлся Мирон.

– Ну чё там? – спросил у него Кулаков, сидя на своей койке.

– Да вроде тихо.

К Мирону подошёл дежурный по роте Замкович.

– Пацаны, надо всё по быстрому провернуть, сегодня Муссолини дежурным по штабу заступил, а он почти сразу после отбоя приходит, – сказал Мирон.

– Не ссы ты там!

Кулаков вскочил с кровати, и я увидел Рондика, разминающего свои руки.

– Может фонарик взять, а то ещё не тому двинем? – спросил Шмель.

В это мгновение я услышал в другом конце расположения плоский удар в чьё-то тело. Потом ещё один, кто-то застонал, потом послышался град ударов.

– Понеслась! – рявкнул Кулаков.

Я тут же натянул на себя покрывало и приготовился давать отпор, не хватало ещё, чтобы меня отделала кучка бестолковых колхозников.

Побоище стало нарастать, удары были такими мощными, что наполнили своими мерзкими звуками всю казарму.

– Сука... – голоса шипели о то всюду.

Я сжал кулаки. Ещё удар, совсем рядом. Вот шаги стали приближаться к моей койке. Кто-то схватил моё покрывало и резко отбросил в сторону.

– А, это ты, малый?

Я открыл глаза и увидел перед собой сержанта Кулаков.

– Не бойсь, тебя не тронем.

Он ударил лежащего по правую от меня сторону Ветраша, и сел на его койку.

– Чё, зассал трохи? Да? Не бзди, это у нас в роте традиция такая, в первую ночь, как приходят молодые, старший призыв переводит средний ударами в грудак, птицу фазана вселяя. Я тяжело выдохнул.

– А ты, я вижу, нормальный пацан, кофе будешь? У меня и печенье есть.

– Не положено, – кротко ответил я.

– Ну, это правильно, но сегодня я разрешаю, погнажи ко мне.

Сперва я подумал, что меня проверяют, но потом осмелился, встал и сел напротив сержанта на койку к Кесарчуку, тот лежал с разбитой красной грудью и недовольно пыхтел в мою сторону.

Кулак сделал нам две кружки кофе и мы потягивая горький отвар, закусывали его сладким печеньем.

– Будешь за старшего среди своих? – почти сразу спросил у меня Кулак. – Потом сержанта получишь, как и я. Меня мой «дед» тоже выбрал. Так что кайфуй. Но отгрести в начале за всех придётся. Зато потом заживёшь. Лады?

– Лады.

Отправлялся спать я с тревожным ощущением: зачем подписался под этим, кто меня за язык дёрнул? А впереди была долгая ночь, спать не хотелось, и я решил выживать. Раз уж оказался в этой грязи, из которой чистым уже не выбраться, значит, следовало изменить свои взгляды на некоторые вещи. Притвориться таким же, как и все. На время.

На подъёме был старлей Студнев. Тот лопухий гном, который заправлял нашим взводом в карантине и на протяжении всего учебного месяца почти не показывал там носа. Пару раз проводил строевые и сидел с нами во время зубрёжки статей. Во второй роте его статус, по видимому, был выше. Студнев был ЗКР, то есть заместителем командира роты, а на местном сленге – на подсосе у Веры.

«Фазаны», как один, стали во второй ряд строя. На утренней поверке все служивые должны были представлять перед своим командиром по пояс голыми, в одних каликах. Весь наш первый период поставили в начало. Лишь с утра я увидел на сколько синими, я бы даже сказал, цвета спелой сливы были груди всех переведённых ночью пацанов. Виля гордо почёсывал свою раненную грудь, изрешечённую ударами кулаков, словно мишень на полигоне меткими пулями стрелка, и, судя по его довольной ухмылке, ни сколько не стыдился этих побоев.

Студнев недовольно ёжился, поглядывая на первый период, закрывший своими сонными телами очевидную неуставщину.

– Второй период сегодня на пробежку не пойдет, – сказал он. – Дуйте в «холодную» за шуфлями и на плац снег грести. Потапенко, команду!

– Товарищ старший лейтенант, вы не переживайте, всё прошло без эксцессов, – сказал тот.

– Без эксцессов, – занервничал Студнев. – Вот посадить бы перед дембелем на десять суток Кулакова и Рондикова, вот тогда бы точно всё без эксцессов прошло.

– Товарищ лейтенант, – сказал Кулак. – Традиции второй роты нетленны.

На весь день до ужина нас со всем вторым периодом от греха подальше отправили работать на второй этаж недостроенного корпуса ППУ, выгрести из помещений щебень и произ-

водственный мусор. К козырьку подъезда подкатили грузовик с прицепом, и мы старательно сбрасывали вниз из окон весь этот шлак. Командовал нами розовощёкий Потапенко, засунув руки в карманы расстёгнутого бушлата. Второй период делал вид, что трудится, а мы ишачили по полной. С первого же дня я решил особо не залетать и не косячить, тем более на мои плечи легла тяжёлая ноша ответственности за свой период, и за себя в целом. Но в итоге за весь рабочий день меня уже пару раз подозвали к себе «фазаны» и с замечаниями, что некоторые из наших умышленно филонят, предупредили, что если бы подобное узреют «дедушки», раз двадцать я уж точно получу по шапке. Из рьяных нарушителей я сразу выделил Чучвагу, Гурского, Игнатьюка и Сташевского.

Я работал в правом крыле казармы на толчках, сгружая в носилки старую отбитую плитку вместе с Ратьковым и Нехайчиком. Дышать было невыносимо, пыль забивалась в ноздри и мы каждую минуту поочередно чихали. Жутко хотелось есть и спать. Я сбросил уже добрых пять килограмм, но это меня ни чуть не тревожило. Окна туалета выходили на сад за трибуну главного плаца, где трудились солдаты первой роты. Сыпал мокрый снег. Земля была промёрзлой, и они пытались долбить её наконечниками тупых лопата. Смотреть на это зрелище было полным унынием.

«Я трапіў сюды добраахвотна, ніхто не цягнуў мяне сілком, – подумал я. – Аднак гэта зусім не тое, чаго я чакаў».

В конце дня мы выметали взлётку ППУ. Нам усердно стал помогать второй период. Я заметил, что в этом ремесле они были на много практичнее нас. Чего стоил один ефрейтор Вильков, который мог вымести всю взлётку быстрее всех нас вместе взятых. Едловец и Мирошин поучали, как подметать, чтобы не оставалось «хвостов». Ракута с Тавстуетом подшучивали над нами и держались близ Потапенки. Кесарчук тупился в телефоне. Подметая взлётку, я искоса смотрел на этих ребят и их забота, и даде некая опека над нами, приносила определённое спокойствие и мысли, что ничего плохого с нами пока не случится, а над нами всегда будут стоять люди, которые смогут прибрать за нами оставшийся сор.

Официальное знакомство во второй роте проходило под началом Веры. Нас всех усадили на стулья кругом взлётки, как в кружке анонимных алкоголиков, и мы по очереди стали представляться, кто мы и что мы. В основном ротного интересовали наши гражданские увлечения. Пацаны особо не разглашались, тем более «дедушки» и «фазаны» с лычками то и дело подтрунивали над нами, вынося на смех все наши гражданские предрассудки. Игната надоумило сказать, что он в школе панковал и несколько раз красил волосы. Беднягу чуть не зачислили в петухи, но Вера вовремя остановил весь этот переполох и велел ему замолчать. Ранка заявил, что гонял за ФК «Нёман» и вообще слыл бесшабашным хулиганом. Все остальные были заурядными гопорями. Я лишь сказал, что музыкант и пару раз печатался в государственной газете и литературных журналах. Я тогда ещё знать не знал, что инициатива в армии наказуема и в таких случаях вообще следовало помалкивать. Сташевский с горечью заметил, что весьма хотел попасть в ВДВ, но из-за матери, лишённой родительских прав, был отстранён от этого элитного подразделения. Что не говори, а биография там должна была быть безупречной. Сперва все с опаской поглядывали на этого перекаченного мальчугана, который в своих габаритах мог потягаться разве что с сержантом Гнилько, но со временем всем стало ясно – внешность его обманчива.

– А когда можно будет заниматься на тренажёрах? – только и спросил Сташевский.

Дембеля улыбочиво переглянулись с ротным и сержант Кулаков бойко заметил:

– Тебя на «физо» будь здоров и без железа прокачают.

На следующее утро была адова тактико-техническая подготовка. Мы удосужились познакомиться и лицезреть лейтенанта Левковича, командира второго взвода нашей роты. Это был среднего роста молодой человек, с обычным квадратным лицом, присущим всему здешнему офицерью, младше меня на год, весьма коренаст, к тому же выпускник суворовского училища, со своенравным характером и любитель выпить горькую. Все остальные его недолюбливали, а сержанты особо не панибратствовали.

Нас экипировали в бронежилеты, выдали каски с автоматами и вывели на улицу.

– Сигару мне, – выйдя паханской походкой, заявил лейтенант.

По колонне прошёлся шёпот:

– Малье, сигару нашли, быстро!

Гурский тут же достал свой «Winston» и довольный Левкович скомандовал направляться в сторону клуба. Там находился армейский стадион с полосой препятствия и иными атлетическими приспособлениями, где обычно страдала вся часть.

Левкович построил вторую роту на беговой дорожке, и около часа размусоливал нам по какой-то затёртой брошюре правила охраны военно-административных зданий, защиты их от нападения и организации блокпостов. Стоять при этом следовало смиренно, внимая речам лейтёхи.

В какое-то мгновение я почувствовал, что меня мутит, голова закружилась, и я готов был блевануть. Совершенно непривычные нагрузки на организм давали о себе знать. Я посмотрел по сторонам – рота стояла преисполненная воинского долга.

В следующий час нам пришлось разыгрывать охрану и диверсантов. Мы с «фазанами» в одночасье стали охраной, «дедушки», соответственно, вооружёнными террористами. Ходили вдоль клуба, словно по блокпосту, пока спрятавшиеся «дедушки» ждали момента, чтобы на нас напасть. Нам же нужно было вовремя заметить диверсию и задержать всех без исключения. «Фазаны» шепнули нам, чтобы мы особо не дергались, и как только появятся «дембеля», тут же падали на землю, словно нас положили умелые снайпера. Я видел, как ефрейтор Борода несколько раз заехал с ноги по рёбрам Цитрусову, а тот лежал и смеялся.

Я изрядно замаялся, качаясь по мокрому снегу во всей это амуниции, совершенно не понимая смысла в этих тактических учениях. Хотя, с другой стороны, лейтенант Левкович отработывал свои часы, за которые ему платили зарплату, «дедушки» весело проводили своё время, а всем остальным приходилось терпеть.

После окончания занятий нам разрешили покурить и мы тут же обосновались в курилке за клубом, с которой открывалась отличная панорама на дровяной склад и кинологический вольер, ограждённый высоким деревянным забором. Я глубоко затянулся, и моментально опьянел, словно в меня залили бутылку водки. Голова закружилась на все сто восемьдесят градусов, и я пришёл в себя, лишь когда мы уже возвращались в роту.

Где-то между столовой и штабом Левковичу не понравилось хождение «дедушек» в походной колонне, и он резко крикнул:

– Вспышка, вторая рота!

Мы все попадали на животы, и, как положено, прикрыли уши руками. Сержанты и некоторые «дедушки» остались стоять.

– Вы чё, припухли, команда не ебёт?!

– Товарищ лейтенант, мне служить осталось меньше месяца, какая вспышка? – тут же возмутился Рондик.

– Сержант Рондик, упор лёжа принять! И жимани там раз сто!

Рондик недовольно ськнул и упал на кости, за ним упали остальные.

– Пока каждый не отождётся по сто раз, никто не встаёт, – заключил Левкович.

– Товарищ лейтенант, здесь же дети маленькие спят, – кряхтя с непривычки на костях, сказал сержант Кулаков.

На территория части, как раз за столовой, находилось офицерское общежитие, в котором проживали семьи местных офицеров. Левкович не предал этому особого значения.

– Вторая рота, – окликнул всех Ронд, – под общий счёт, все вместе, отжимания начи-най!

И мы все разом начали громко отсчитывать: «Раз-два-три!» Наши юные голоса разлились по части звонким эхом и неугомонный Лёва в миг покраснел.

– Отставить, вторая рота! – приказала Левкович. – После обеда общий сбор сержантского состава у меня во взводниках!

Впервые я почувствовал какую-то справедливость, представив, как Лёва прокачивает и пинает у себя в кабинете этих лычкастых выскочек, во мне зароптали радостные нотки, как будто кто-то почесал мне на спине место, до которого я долго не мог дотянуться.

Через несколько дней в нашей роте состоялась сдача статей перед комиссией, в которую входили комбат Рысюк, заместитель комбата по батальону накаченный, как Рембо капитан Головач, Вера и Студнев. Все мы немного волновались, стоя перед дверью линейки, где проходил отбор, повторяли с уставала перечень статей, словно в университете перед сдачей экзамена грозному преподавателю. Первым зашёл Гораев и через минут пять вышел со счастливым лицом. В университете он был отличником, и сдать статьи ему не представлялось тяжёлым испытанием. За ним пошли Ратьков, Нехайчик и Лесович. Эти ребята зубрили статьи после отбоя, лёжа в кровати, поэтому успех их был предопределён заранее. Оставался я и остальные «двоечники», для которых учение статей было в муку.

– Иди, давай, – сказал мне Чучвага. – Ты всё знаешь.

Я подумал, что идти после проваливших зачёт олухов, было равносильным вписаться в их ряды. Все военные деревянные и с логикой у них были проблемы.

Постучавшись в дверь и, приоткрыв её, я резко козырнул офицерью и поинтересовался, можно ли войти. Рысюк махнул рукой, и я тут же предстал напротив стола, где сидели экзаменаторы.

Статьи спрашивал комбат, отвечать нужно было быстро, не запинаясь, тем самым демонстрируя свои знания и надеясь на то, что статью до конца слушать не станут. Я отвечал бойкой, высоко подняв подбородок, впившись глазами в потолок, чтобы строгие лица комиссии окончательно меня не смутили.

Запнулся лишь немного в конце 165 статьи об обязанностях часового, переставив слова местами, и выдержав небольшую паузу. Но и эта весьма незначительная оплошность могла сыграть свою роковую роль.

– Плохо, товарищ солдат! – сказал мне прямо в лицо комбат. – Ты когда в карауле будешь на разводе министерскому полковнику отвечать, так он подумает, что ты обосрался! Увереннее, чётче, смелее, в конце концов.

Тут за меня вступился Вера.

– Товарищ майор, хлопец он нормальный, я личное дело его поднял, стихи, прозу пишет, творческий человек, ему то не справиться? А в карауле подтянется, подучит.

– Под вашу ответственность, – строго заявил ему Рысюк.

– Минский? – поинтересовался у меня Головач.

– Так точно, товарищ капитан!

– А с какого района?

– Из Фрунзенского!

– Так мы земляки. Берите его, товарищ майор, этот не оплошает!

Рысюк немного помялся, что-то пометил на своём листке и сказал:

– Свободен!

Я нехотя откозырял и вышел прочь. Меня уже давно стала подбешивать вся эта нарочитая серьёзность на фоне разваливающихся совковых зданий, псевдо-патриотизм, советские символы и Лукашенко вечером по новостям, что лично мне казалось полной деградацией личности, и с каждым днём я осознавал, что всё глубже окунаюсь во всю эту армейскую бытовуху, теряя свои положительные качества и определённую рациональность.

После меня статьи сдал один только Гурский. Остальным назначили повторную передачу.

Вечером всех сдавших статьи загнали в сушилку и поставили «на кости». Командовал процессом неугомонный Кесарчук. Мы стояли в упоре лёжа, а костяшки наши рук упирались в бетонный пол, кровь подступала к вискам, и было совершенно не весело. Потапенко разъяснял, что это была профилактика и урок для наших неучей. Под счёт «раз-два-полтора», мы около получаса выслушивали нравоучения сержантуры. Посмотреть на процесс зашли Шмель и Кулаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.